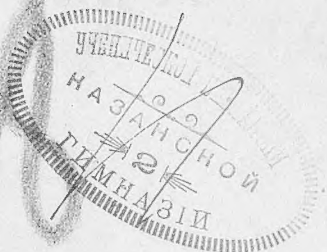
7

Иванъ Андреевичъ
КРЫЛОВЪ.

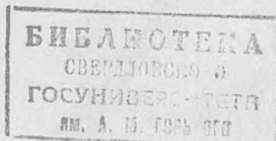
ЕГО ЖИЗНЬ И СОЧИНЕНІЯ.

Сборникъ историко-литературныхъ статей.

Дозволено цензурою. Москва, 7 мая 1904 года.

СОСТАВИЛЪ
В. Покровскій.

Цѣна 20 коп.

МОСКВА.

Типографія Г. Лисснера и А. Гешеля.

Воздвиженка, Крестовоздвиж. пер., д. Лисснера.
1904.

Дозволено цензурою. Москва, 1 мая 1904 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Иванъ Андреевичъ Крыловъ.

И. А. Крыловъ родился 2 февраля 1768 года, въ Москвѣ. Дѣтство его протекло среди такой обстановки, которая, повидимому, всего менѣе могла содѣйствовать правильному развитію его способностей. Отецъ его, армейскій капитанъ, мужественный защитникъ Яика отъ скопищъ Пугачева, былъ человѣкъ мало образованный. Судя по тѣмъ книгамъ, которыя онъ оставилъ въ наслѣдство сыну, онъ смотрѣлъ на литературу не какъ на образовательное средство, но какъ на средство убивать время. Мать Крылова, женщина не только необразованная, но даже неграмотная, хотя и понимала необходимость образованія, но сама не могла содѣйствовать развитію умственныхъ способностей ребенка. На шестомъ году жизни мы находимъ Крылова въ Оренбургской крѣпости. Не могши взять Яика, Пугачевъ поклялся, что повѣситъ и коменданта и все его семейство. Но Провидѣніе спасло маленькаго Крылова для славы Россіи. Послѣ усмиренія мятежа, заслуженный воинъ оставляетъ мечъ и берется за перо: онъ поступаетъ на службу въ тверской магистратъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ измѣняются и условія жизни нашего баснописца. Тутъ пришло время учиться. Его мать, изыскивая средства дать образованіе сыну, нашла возможность посылать его къ губернаторскому гувернеру-французу учиться по-французски. Трудны были первые шаги маленькаго Крылова; но мать умѣла облегчить ихъ: не зная даже русской грамоты, она единственно своимъ здравымъ природнымъ умомъ постигла, гдѣ и въ чемъ ошибается ребенокъ, и помогала ему дѣлать переводы. Здѣсь нѣжная материнская любовь и здравый умъ съ избыткомъ восполнили недостатокъ образованія. Этотъ французскій гувернеръ былъ единствен-

ный учитель, уроками котораго пользовался Крыловъ. Вскорѣ умираетъ отецъ.

Со смертію отца наступаетъ періодъ бѣдствій въ жизни Крылова. Нищета, посѣтившая его семейство, заставила мать опредѣлить сына на службу. И вотъ, 14-лѣтній Крыловъ, едва умѣя держать перо въ рукѣ, вмѣсто того, чтобы итти въ школу учиться, начинаетъ въ чинѣ подканцеляриста посѣщать тверской магистратъ. Но скучныя канцелярскія бумаги, въ которыхъ онъ по молодости, вѣроятно, и понимать ничего не могъ, должны были внушить ему одно отвращеніе. Его занимало не канцелярское дѣло — мысли его, по свидѣтельству современника, уносились на рынки, на площади, куда кулачные бои привлекали толпы зрителей, наконецъ — къ плоту, куда со всѣхъ концовъ города собирались прачки и водовозы. Тамъ, въ этихъ сборищахъ, у этого плота, проводилъ онъ цѣлые часы, подслушивалъ разговоры, шутки, остроты, а потомъ бѣжалъ къ товарищамъ своимъ пересказывать то, что поражало его. Тутъ пробудилась его наблюдательность, тутъ онъ изощрилъ ее и, можетъ-быть, уже тогда усвоилъ начало той чисто русской рѣчи, которая дѣлаетъ его басни доступными всѣмъ сословіямъ русскаго народа. Отъ такихъ наблюденій онъ возвращался снова къ канцелярскимъ бумагамъ, отъ которыхъ дышало мертвенностью, формальностью, въ которыхъ отсутствіе жизни, а подчасъ и здраваго смысла, почиталось достоинствомъ. Но бѣдность — къ чему она не принудитъ человѣка! Онъ понималъ, что ему нужно добывать насущный хлѣбъ, и служилъ. А въ то самое время когда его дѣтская рука выводила нетвердымъ почеркомъ буквы, въ головѣ его созидалась драма по образцу тѣхъ, какія онъ нашелъ въ сундукѣ отца. У него въ это время созрѣлъ планъ „Кофейницы", видѣлся вдали Петербургъ, театръ, слава... Воображеніе беретъ, наконецъ, верхъ надъ дѣйствительностью. 16-лѣтній мальчикъ просится въ отпускъ на 29 дней и скачетъ въ Петербургъ съ своимъ первымъ произведеніемъ; находитъ великодушнаго книгопродавца (Брейткопфа), который, за его ребяческую работу, предлагаетъ ему 60 рублей. Но онъ не беретъ денегъ — онъ беретъ книги, тѣ именно книги, которыя тогда почитались классическими — Расина, Корнеля и Буало. Такъ велика была въ немъ жажда знанія!

За нимъ послѣдовала въ Петербургъ и его мать. Здѣсь, отыскивая средства къ жизни, — потому что 24 рублей въ годъ, которые получалъ Иванъ Андреевичъ за свою службу въ губернскомъ правленіи, несмотря на тогдашнюю дешевизну, было недостаточно, — и отыскивая свои права на пенсіонъ за службу мужа, она умерла. „Это, — говорилъ потомъ Крыловъ своимъ друзьямъ, — былъ первый и самый тяжелый ударъ въ моей жизни“. Но онъ перенесъ его мужественно. Бѣдность, одиночество, безпріютная жизнь, — все это могло бы убить всякую слабую натуру; Крылову же дало новыя силы. На двадцать-первомъ году, мы видимъ его уже записнымъ журналистомъ, типографщикомъ, мѣткимъ сатирическимъ писателемъ, поражающимъ порокъ, скрывающійся отъ общественнаго порицанія подъ величественною тогою заслуженнаго гражданина, подъ личиною свѣтской образованности, подъ маскою скромности, подъ покровомъ общественныхъ приличій. Читая его ѣдкія сатирическія статьи, съ трудомъ вѣримъ, что онѣ написаны почти мальчикомъ, и притомъ мальчикомъ, нигдѣ не учившимся, мальчикомъ, подавленнымъ бѣдностью. Но еще удивительнѣе то, что въ то же время онъ находилъ возможность учиться. Онъ научился играть на скрипкѣ и достигъ такого совершенства въ этомъ искусствѣ, что его приглашали участвовать въ квартетахъ вмѣстѣ съ знаменитыми виртуозами. Увлекшись музыкою, онъ увидѣлъ необходимость научиться по-итальянски. Сохранилось свидѣтельство, что и въ живописи онъ достигъ замѣчательнаго совершенства. И всему этому онъ научился одинъ, безъ всякой посторонней помощи. Кажется, для этихъ способностей ничего не было невозможнаго. Богъ знаетъ, куда бы увлекли его первые успѣхи; но какія-то весьма темныя обстоятельства заставили его закрыть типографію и прекратить изданіе журнала.

Около этого времени, онъ снова перемѣнилъ службу, но положеніе его не перемѣнилось. Его занималъ тогда театръ. Онъ старался написать трагедію въ родѣ Корнеля или Расина. Но Дмитревскій, съ которымъ онъ тогда сошелся, разбирая ихъ почти по строкамъ, доказывалъ ему, что онѣ слабы, требуютъ переработки, и убѣждалъ разочарованнаго автора учиться и учиться.

Наконецъ, въ 1801 году, колесо фортуны повернулось

въ его сторону. Онъ поступилъ на службу къ кн. Голицыну, рижскому генералъ-губернатору, домашнимъ секретаремъ. „Я чрезвычайно радъ, милый мой братецъ, — писалъ къ нему его братъ Левъ Андреевичъ, — что вы совершенно счастливы въ домѣ его сіятельства. Вы этого, по вашимъ добродѣтелямъ и талантамъ, вполнѣ заслужили“.

Въ домѣ кн. Голицына онъ написалъ пародію — трагедію „Трумфъ“, въ своемъ родѣ классическое произведеніе; здѣсь же онъ, не желая быть безполезнымъ нахлѣбникомъ, сталъ учить дѣтей князя и воспитывавшихся съ ними двухъ мальчиковъ, въ томъ числѣ и Вигеля.

Продолжительная жизнь въ чужомъ домѣ, двусмысленное положеніе домашняго учителя, которое и теперь еще не пріобрѣло права гражданства въ нашихъ высокихъ сферахъ и почитается мало чѣмъ выше камердинера или дядьки, должно было имѣть значительное вліяніе на характеръ Крылова. Можетъ-быть, здѣсь научился онъ быть сдержаннымъ, разсудительнымъ, открывать свою прекрасную душу только тѣмъ, кто были равны съ нимъ; можетъ-быть, тутъ онъ узналъ истину, что равенство

Въ любви и дружбѣ вещь святая.

Какъ онъ разстался съ княжескимъ домомъ, какъ попалъ въ Москву, объ этомъ мы ничего не знаемъ.

Умудренный опытомъ, искушенный въ превратностяхъ жизни, онъ въ 1806 году возвратился въ Петербургъ. Проѣздомъ черезъ Москву онъ написалъ три басни въ подражаніе Лафонтену, изъ коихъ одна *(Разборчивая Невѣста)* до настоящаго времени остается образцовымъ произведеніемъ. И. И. Дмитріевъ, которому мы обязаны, можетъ-быть, тѣмъ, что Крыловъ избралъ исключительно этотъ родъ, прочитавъ эти басни, сказалъ ему: „Это — вашъ истинный родъ; наконецъ, вы нашли его“. Но въ Петербургѣ снова вспыхнула въ немъ страсть къ театру, и результатомъ этой вспышки были двѣ комедіи, о которыхъ современники отзывались съ величайшею похвалою. Они называли его русскимъ Аристофаномъ и были увѣрены, что если бы онъ посвятилъ себя театру, то и въ драматическихъ произведеніяхъ достигъ бы той высоты и совершенства, какихъ достигъ въ баснѣ.

Любовь къ театру сблизила его съ кн. Шаховскимъ. Онъ вошелъ въ общество, въ которомъ мѣста распредѣлялись не по происхожденію, но по талантамъ. На вечерахъ у Шаховского (какъ видно изъ записокъ Жихарева), Крыловъ являлся душою общества. При его содѣйствіи предпринято было изданіе журнала „Драматическій Вѣстникъ", лучшимъ украшеніемъ котораго были его басни. У Шаховского же на вечерахъ онъ читалъ первыя свои басни. Хотя эти первыя произведенія начинающаго баснописца и встрѣчали въ этомъ обществѣ единодушное и громкое одобреніе, но, какъ видно, самъ авторъ еще не довѣрялъ своимъ силамъ. Первые его шаги на этомъ поприщѣ были робки, нерѣшительны. Въ 1808 году онъ написалъ только пять оригинальныхъ басенъ изъ двадцати, появившихся въ журналѣ Шаховского, и въ числѣ этихъ пяти — три признаются классическими произведеніями. Такъ, истинный талантъ всегда недовѣрчивъ къ себѣ.

Слава драматическаго писателя, успѣхъ первыхъ басенъ, мастерское ихъ чтеніе познакомили Крылова съ семействомъ Олениныхъ, а впослѣдствіи служба въ Публичной библіотекѣ связала его съ нимъ навсегда. Въ этомъ просвѣщенномъ семействѣ, благоволившемъ ко всему, что̀ носило на себѣ отпечатокъ таланта, находили радушный пріемъ и живѣйшее искреннѣйшее участіе всѣ писатели и артисты, прославившіе времена Александра I. Въ этомъ семействѣ Крыловъ нашелъ все: и покровительство, и дружбу, и любовь. А. Н. Оленинъ, его начальникъ по службѣ, былъ его искреннѣйшимъ другомъ и ходатаемъ предъ членами Императорскаго семейства. Елизавета Марковна, это олицетвореніе доброты и участія, была ему второю матерью. Здѣсь онъ пріобрѣлъ ласкательное имя „Крылышки", гордился имъ и любилъ покоиться подъ кровомъ этихъ добрыхъ, благородныхъ людей. Отсюда онъ вынесъ титулъ дѣдушки, который слился навсегда съ его именемъ. Посланіе меценату, заканчивающееся стихами.

. . . . На меня
Щедротъ монаршихъ лучъ склоня,
Лѣнивой музѣ и безпечной
Моей ты крылья подвязалъ.
И, можетъ, безъ тебя бъ мой слабый даръ завялъ

Безвѣстенъ, безъ плода, безъ цвѣта,
И я бы умеръ весь для свѣта...

и эпитафія, начертанная на гробѣ Елизаветы Марковны, свидѣтельствуетъ о томъ, какъ глубоко онъ уважалъ ихъ, какъ цѣнилъ ихъ любовь къ себѣ и какъ умѣлъ быть благодарнымъ.

Тою же искренностію и чистосердечіемъ запечатлѣна и дружба его съ Гнѣдичемъ. Біографы Крылова разсказываютъ, что для того, чтобы имѣть возможность говорить съ нимъ объ „Иліадѣ“, переводъ которой поглотилъ полжизни Гнѣдича, онъ на пятидесятомъ году научился по-гречески.

Съ поступленія на службу въ Публичную библіотеку для Крылова наступаетъ періодъ счастія и славы. Если уваженіе, оказываемое всѣми, отъ членовъ царскаго семейства до простолюдиновъ, если любовь и предупредительность, которую онъ встрѣчалъ повсюду, куда бы ни являлся, если совершенно обезпеченное матеріальное состояніе, пріобрѣтенное честнымъ трудомъ и истинными заслугами, могутъ составить счастіе человѣка: то, конечно, Крыловъ былъ самый счастливый человѣкъ. И все это онъ пріобрѣлъ только баснями. Появленіе каждой новой его басни было событіемъ. Журналисты превозносили ихъ, публика выучивала ихъ наизусть. Новыя изданія раскупались нарасхватъ: Смирдинъ (по свидѣтельству современника) едва успѣвалъ удовлетворять ея требованія. 70 тысячъ экземпляровъ, которые разошлись по Россіи при жизни баснописца, служатъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ высоко цѣнили ихъ современники. Крыловъ объяснялъ такой неслыханный запросъ на его книгу тѣмъ, что ее даютъ дѣтямъ, а дѣти рвутъ книги. Но почему же ихъ давали дѣтямъ; почему же и понынѣ многіе негодуютъ на то, что его баснямъ начинаютъ предпочитать какія-то книжонки, сочиненныя по нѣмецкимъ образцамъ; почему даже и въ этихъ книжонкахъ наибольшое мѣсто доставалось все-таки ему, и почему ежегодно требуется новое изданіе его басенъ? На эти вопросы отвѣчаетъ Гоголь: потому что въ этихъ басняхъ великій поэтъ и мудрецъ слились воедино; потому что въ нихъ высказался разумъ, родственный разуму нашихъ пословицъ; потому что онъ умѣлъ сказать въ нихъ правду каждому — умному и глупому, сильному и слабому, и сановнику, стоящему на вер-

шинѣ общественной лѣстницы, и безвѣстному труженику, на котораго смотрятъ съ презрѣніемъ; потому что каждая изъ нихъ (по выраженію Гоголя), какъ стоглазый Аргусъ, глядитъ на человѣка и заставляетъ его обращать свой умственный взоръ во внутрь самого себя.

Его занимали всегда важные предметы, и въ своихъ басняхъ онъ давалъ отвѣты на вопросы, которые тревожили его современниковъ. Но, привязывая, такимъ образомъ, свою аллегорію къ извѣстному событію или общественному настроенію, онъ умѣлъ всегда вывести изъ нея такое общее положеніе, которое остается истиною при всѣхъ условіяхъ жизни. Его разсказъ, даже оторванный отъ исторической почвы, понятенъ и правоучителенъ; онъ всегда выше текущихъ событій и условій времени, и пригоденъ человѣку, на какой бы ступени умственнаго и гражданскаго развитія онъ ни стоялъ. Такъ провелъ жизнь нашъ великій баснописецъ и тихо сошелъ въ могилу (9 ноября 1844 г.), оставивъ потомству свои безсмертныя басни и имя добраго, честнаго человѣка.

Кеневичъ.

Очеркъ литературной дѣятельности Крылова.

Литературная дѣятельность его началась необыкновенно рано. Съ самаго дѣтства чувствовалъ онъ особенную охоту къ драматическому искусству; на оперу смотрѣли тогда, какъ на самое совершенное театральное представленіе, и мальчикъ Крыловъ смѣло принимается за сочиненіе оперы. Потомъ онъ пробуетъ себя въ трагическомъ родѣ и, наконецъ, переходитъ и къ комедіи. Первые драматическіе опыты Крылова, хотя и не имѣвшіе никакого достоинства, были для него тѣмъ важны, что, когда онъ переѣхалъ въ Петербургъ, они открыли ему доступъ въ литературный кружокъ, въ которомъ надолго установилось его авторское направленіе. Черезъ Княжнина познакомился онъ съ Дмитревскимъ и явился къ знаменитому актеру съ однимъ изъ своихъ юношескихъ трудовъ. Дмитревскій строго разобралъ незрѣлую пьесу, но обласкалъ начинающаго литератора. Вскорѣ Крыловъ сблизился и съ другими драматическими писателями. Между тѣмъ, однакожъ, онъ сталъ искать постоянной лите-

ратурной дѣятельности. Въ этомъ помогло ему знакомство съ другимъ писателемъ, бывшимъ почти 25 годами старше его. Это былъ капитанъ Рахманиновъ, почитатель и переводчикъ Вольтера, издававшій въ 1788 году журналъ *Утренніе Часы*, который печатался въ собственной его типографіи. Въ слѣдующемъ году Крыловъ самъ затѣялъ журналъ или, вѣрнѣе, ежемѣсячный сатирическій сборникъ *Почту Духовъ,* въ формѣ переписки жителей Плутонова царства. Здѣсь Крыловъ въ первый разъ вступилъ на поприще сатиры, которое послѣ, хотя въ другомъ видѣ, оказалось истиннымъ его призваніемъ. Послѣ басенъ *Почта Духовъ* — любопытнѣйшее и важнѣйшее его произведеніе, показывающее въ двадцатилѣтнемъ авторѣ замѣчательную зрѣлость мысли, наблюдательность и способность къ юмористическому изображенію человѣческихъ слабостей. Вскорѣ послѣ ея прекращенія Рахманиновъ, какъ тамбовскій помѣщикъ, уѣхалъ на родину, и Крыловъ, спустя два года, самъ является содержателемъ типографіи, вѣроятно, переданной ему этимъ его сотрудникомъ. Она находилась близъ Лѣтняго сада, въ нижнемъ этажѣ дома Бецкаго, что нынѣ дворецъ Его Императорскаго Высочества принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Съ наступленіемъ 1792 года Крыловъ сталъ печатать въ ней новый предпринятый имъ журналъ *Зритель.* Главнымъ товарищемъ его по этому изданію сдѣлался армейскій офицеръ и драматическій писатель Клушинъ, сынъ орловскаго помѣщика, умершій въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Другіе сотрудники Крылова по изданію *Зрителя* были: Дмитревскій, Плавильщиковъ, Туманскій и Эминъ. Ихъ всѣхъ, не исключая и Дмитревскаго, какъ писателя, Крыловъ превосходилъ талантомъ и впослѣдствіи переросъ славой. Изъ нихъ одинъ Туманскій, издатель историческихъ актовъ, не посвящалъ трудовъ своихъ драматическому искусству. Дмитревскій, какъ мы видѣли, былъ давно наставникомъ Крылова на этомъ поприщѣ. Плавильщиковъ, подобно Дмитревскому, превосходный актеръ, писалъ статьи о театрѣ, замѣчательныя по вѣрности литературныхъ взглядовъ. Н. Эминъ, сынъ извѣстнаго своими приключеніями автора и переводчика, писалъ также для сцены. Журналъ *Зритель,* предположившій себѣ сколько можно разнообразить свое содержаніе, заявилъ, что онъ будетъ, между прочимъ, изображать порокъ во всей

его гнусности, избѣгая, однакожъ, всякихъ личныхъ примѣненій, т.-е. одною изъ его задачъ была сатира. Надобно вспомнить, что онъ начался въ важную для русской литературы эпоху, когда *Московскій Журналъ* Карамзина продолжался уже годъ. Дѣятельность этого молодого, писателя пробывшаго полтора года за границею и своими письмами какъ будто поддерживавшаго пристрастіе своихъ соотечественниковъ ко всему иноземному, была недружелюбно встрѣчена крыловскимъ кружкомъ, который особенно заботился о возбужденіи національнаго чувства. Въ сущности Карамзинъ не расходился съ ними въ этомъ стремленіи, но имъ не могли нравиться ни его новый слогъ съ примѣсью чуждыхъ элементовъ, ни извѣстный оттѣнокъ мечтательности или сентиментализма въ его настроеніи, ни, наконецъ, тотъ взглядъ его, который, наперекоръ имъ, ставилъ Шекспира и нѣмецкихъ драматическихъ писателей неизмѣримо выше французскихъ классиковъ. Въ особенности же раздражала крыловскую партію взыскательная въ то время критика Карамзина, не щадившая нѣкоторыхъ изъ этихъ литераторовъ и занимавшаяся часто утонченнымъ разборомъ языка въ ихъ сочиненіяхъ и переводахъ. Извѣстно, что журналъ Крылова, хотя и не могъ въ отношеніи къ языку и къ складу рѣчи похвалиться чисто русскимъ характеромъ, но зато отличался крайнимъ невниманіемъ къ грамматической исправности и къ изяществу выраженія. Оттого *Зритель* сталъ въ непріязненное отношеніе къ *Московскому Журналу*,, издѣваясь надъ слогомъ Карамзина и укоряя его за произвольную, придирчивую критику. Карамзинъ не возражалъ, но въ письмахъ къ Дмитріеву говорилъ: „Итакъ Эминъ, Крыловъ, Клушинъ, Туманскій не благоволятъ ко мнѣ! Какое несчастіе“!

Что касается до самого Крылова, то статьи, подписанныя его именемъ въ *Зрителѣ*, имѣютъ опять значеніе сатиры на нравы. Въ отношеніи къ ея формѣ онъ платитъ дань вкусу своего времени, въ содержаніи же обнаруживаетъ много колкаго остроумія и юмора. Въ его сказкѣ *Ночи* происходитъ, на пирушкѣ у бога Момуса, споръ между *Днемъ* и *Ночью*, о томъ, кто изъ нихъ видитъ на свѣтѣ болѣе людскихъ дурачествъ. Для рѣшенія этого вопроса, богиня ночи поручаетъ автору вести записку о томъ, что̀ случается во время ея владычества, и онъ описываетъ ночныя похо-

жденія. Въ восточной повѣсти *Каибъ* разсказывается исторія калифа, который собираетъ свой диванъ, чтобы услышать мнѣніе визирей, какимъ бы образомъ ему совершить далекое странствованіе такъ, чтобы никто изъ подданныхъ не замѣтилъ его отсутствія. Это — самое замѣчательное изъ сочиненій Крылова въ *Зритель*; личность Каиба и его визирей: Дурсана, Ослашида и Грабилея изображена въ рѣзкихъ чертахъ. При дворѣ Каиба календарь былъ составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были рѣже, чѣмъ именины Касьяновъ; тѣмъ не менѣе Каибъ всячески старался поощрять науки, и хотя не пускалъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ составляли не послѣднее украшеніе его стѣнъ. Въ нѣкоторыхъ комнатахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись такъ искусно, что люди ставили за честь подражать имъ, а нерѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои, отчего произошли великіе споры, о которыхъ тамошняя академія издала исторію въ 36 фоліантахъ. Описывая диванъ Каиба, Крыловъ говоритъ, что калифъ былъ расчетистъ: обыкновенно одного мудреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятный свѣтъ, а слишкомъ большое можетъ причинить пожаръ, и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки, по крайней мѣрѣ, столько же нужны, какъ и умные люди. Въ другихъ сатирическихъ статьяхъ своихъ Крыловъ, слѣдуя примѣру нѣкоторыхъ европейскихъ писателей, избираетъ иногда форму шуточныхъ рѣчей и похвальныхъ словъ.

Зритель издавался только 11 мѣсяцевъ, до конца 1792 года. Тогдашніе журналы соблюдали благое обыкновеніе печатать при своихъ книжкахъ имена постепенно прибывавшихъ подписчиковъ, что̀ въ то время было и легко по ограниченному количеству читающей публики. Нынѣшніе издатели, по разнымъ причинамъ, не объявляютъ числа и именъ своихъ подписчиковъ, хотя такія свѣдѣнія были бы во многихъ отношеніяхъ любопытны и полезны не только для современниковъ, но и для потомства. По спискамъ, приложеннымъ къ *Зрителю*, оказывается, что его разсылалось всего 170 экземпляровъ, изъ которыхъ 136 приходилось на Петербургъ, только 12 на Москву и не болѣе 22 на всѣ прочіе города.

Московскій Журналъ Карамзина, самое распространенное изъ тогдашнихъ періодическихъ изданій, имѣлъ въ томъ же году только до 300 подписчиковъ; изъ этого числа $^2/_3$ жили въ Москвѣ, а въ Петербургѣ ихъ было не болѣе 28 человѣкъ. Отсюда видно, какъ мало въ то время обѣ столицы мѣнялись своими литературными произведеніями.

Журналъ Карамзина въ концѣ 1792 г. совсѣмъ прекратился; *Зритель* же Крылова кончился только по имени и преобразился въ *С.-Петербургскаго Меркурія,* который издавался въ продолженіе всего 1793 года. По предисловію, подписанному Крыловымъ и Клушинымъ, видно, что они хотѣли сдѣлать изъ этого изданія то же для Петербурга, чѣмъ былъ журналъ Карамзина для Москвы, т.-е. изданіе въ родѣ иностранныхъ журналовъ съ извѣстіями о новыхъ книгахъ и театрѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однакожъ, издатели, уже при сообщеніи своей программы, косвенно задѣваютъ Карамзина, обѣщая, что ихъ сужденія не будутъ *деспотическія,* и охуждая его обычай не подписывать имени подъ своими статьями. Въ преобразованномъ журналѣ сатирическое направленіе Крылова видимо слабѣетъ. Есть поводъ думать, что это было слѣдствіемъ ропота, который сатира *Зрителя* возбуждала въ нѣкоторыхъ читателяхъ, обвинявшихъ ее въ личностяхъ: въ этомъ журналѣ вся *Рѣчь повѣсы въ собраніи дураковъ* посвящена отраженію такихъ нареканій. Между прочимъ, ораторъ говоритъ отъ имени подобныхъ ему, т.-е. повѣсъ: „Будто разсказывать дурачества разныхъ особъ не есть то же, что выставлять ихъ лица на осмѣяніе? Такъ, государи мои, не выставлены наши имена, но дѣла наши обнаружены". Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* напечатаны только двѣ сатирическія статьи Крылова, обѣ въ формѣ *похвальныхъ рѣчей:* одна посвящена *наукѣ убивать время;* другая осмѣиваетъ уже не сословные пороки, а новое направленіе въ современной литературѣ. Этой послѣдней статьѣ дано заглавіе: „Похвальная рѣчь Ермалафиду, говоренная въ собраніи молодыхъ писателей". Подъ *Ермалафидомъ,* т.-е. человѣкомъ, который несетъ ермалафію, или чепуху, очевидно, подразумѣвается преимущественно Карамзинъ. Онъ иронически ставится тутъ въ образецъ начинающимъ авторамъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ затронута вся его первоначальная литературная дѣятельность: переводы изъ Шекспира

и Лессинга, изданіе журнала „Письма русскаго путешественника“, литературная критика, стихотворенія въ новомъ вкусѣ, наконецъ, самый слогъ его и нѣкоторые отдѣльные взгляды. Непріязненное отношеніе Крылова къ Карамзину нисколько не удивительно. Если мы перенесемся въ ту эпоху и безпристрастно взглянемъ на разнородную личность обоихъ, на несходныя обстоятельства, въ которыхъ тотъ и другой развивались, то для насъ станетъ совершенно ясно, почему они не понимали другъ друга. Крыловъ, какъ талантъ своеобразный, рано усвоившій себѣ народный языкъ вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ народнаго быта, не могъ сочувствовать особенностямъ другого, хотя и замѣчательнаго, но воспитавшагося на почвѣ иностранныхъ литературъ писателя. Какой-то тверской старожилъ, въ дѣтствѣ учившійся вмѣстѣ съ нашимъ баснописцемъ, разсказывалъ, что Крыловъ уже въ первой молодости любилъ толкаться посреди чернаго народа, на торговыхъ площадяхъ, около качелей и кулачныхъ боевъ, жадно прислушиваясь къ говору простолюдиновъ. Нерѣдко, живя въ Твери, сиживалъ онъ по цѣлымъ часамъ на берегу Волги и потомъ передавалъ своимъ сослуживцамъ забавные анекдоты и поговорки, которые уловилъ въ рѣчахъ словоохотныхъ прачекъ, сходившихся на рѣку съ разныхъ концовъ города. Этимъ объясняется, отчего Крыловъ, рано прочитавъ въ подлинникѣ многихъ французскихъ авторовъ, остался, однакожъ, оригиналенъ не только въ идеяхъ, но и въ языкѣ: онъ развѣ только для шутки употребитъ иногда иностранное слово. Проза перваго періода его авторства не такъ гладка и плавна, какъ многіе думаютъ, судя по неточному тексту послѣдняго изданія его сочиненій, но его языкъ всегда чистъ въ составѣ своемъ, самобытенъ и народенъ въ выраженіяхъ и оборотахъ. Письма *Почты Духовъ* писаны въ томъ же году, какъ и „Письма русскаго путешественника“. Въ отношеніи къ строю и изяществу рѣчи, между тѣми и другими большая разница. Каждый изъ обоихъ писателей имѣлъ свою особую исходную точку; ихъ трудно сравнивать: и кругъ идей, и цѣль, и тонъ у обоихъ свои. Слогъ Карамзина, вмѣстѣ съ его настроеніемъ, пришелся болѣе по вкусу современниковъ и надолго одержалъ побѣду. Но тотъ элементъ, который составлялъ отличіе слога Крылова, — элементъ *народности*, взялъ свое и былъ оцѣненъ

впослѣдствіи самимъ его счастливымъ соперникомъ. Крыловъ же, съ своей стороны, никогда не перенялъ ни щегольского блеска карамзинской прозы ни музыкальной легкости поэзіи Жуковскаго: онъ въ позднѣйшее время только откинулъ нѣкоторые устарѣлые слова и пріемы рѣчи, но навсегда удержалъ въ своихъ стихахъ, по мѣткому выраженію его біографа, что-то *увѣсистое,* свойственное и его наружности. Замѣтимъ, что до сихъ поръ языкъ басенъ Крылова, даже и самыхъ давнихъ, почти нисколько не устарѣлъ.

Въ „Похвальной рѣчи Ермалафиду" Крыловъ въ послѣдній разъ явился на полемической аренѣ. Отказавшись на время отъ роли сатирика, онъ преобразился въ поэта. Въ *С.-Петербургскомъ Меркуріи* находимъ довольно много стихотвореній его. Увлекаемый потокомъ времени, онъ не вполнѣ обошелъ и тѣ роды стихотворства, надъ которыми самъ прежде подшучивалъ. Довольно странно читать, подписанную его именемъ, небольшую оду въ ломоносовскомъ вкусѣ. *На фейерверкъ* по случаю ясскаго мира. Но гораздо лучше удалась ему шуточная ода *Къ счастію,* въ державинскомъ родѣ. Оба издателя *Меркурія,* выступивъ на поприще стихотворства, явно пошли по слѣдамъ тогдашняго корифея русскихъ поэтовъ, и каждый взялъ себѣ въ удѣлъ особую сторону таланта Державина: Клушинъ довольно ловко усвоилъ себѣ его стиль въ живописи природы; Крыловъ съ большимъ успѣхомъ воспроизводилъ игриво сатирическій элементъ державинской оды. Такъ свое обращеніе *Къ счастью* онъ начинаетъ стихами:

Богиня рѣзвая, слѣпая,
Худыхъ и добрыхъ дѣлъ предметъ,
Въ которую влюбленъ весь свѣтъ,
Подчасъ некстати слишкомъ злая,
Подчасъ роскошна невпопадъ,
Скажи, фортуна дорогая,
За что у насъ съ тобой неладъ?
За что ко мнѣ ты такъ сурова?
Ни въ путь со мной не молвишь слова,
Ни улыбнешься на меня?

Когда впослѣдствіи Крыловъ служилъ при Публичной библіотекѣ, ему вздумалось однажды просмотрѣть свои прежнія сочиненія. Его сослуживецъ Быстровъ принесъ ему жур-

налы: *Почту Духовъ, Зритель* и *Меркурій* и, заведя рѣчь объ одѣ „Къ счастью", спросилъ его: „Иванъ Андреевичъ! за что это вы пеняете на фортуну, когда она такъ милостива къ вамъ?"—„Ахъ, мой милый, отвѣчалъ онъ: — со мною былъ случай, о которомъ теперь смѣшно говорить, но тогда... я скорбѣлъ и не разъ плакалъ, какъ дитя... Журналу не повезло..." Въ лирическихъ, довольно многочисленныхъ пьесахъ Крылова, сдѣлавшихся извѣстными послѣ его кончины, есть счастливыя мѣста. Между прочимъ, онъ навсегда возвышается при сравненіи сельскаго быта съ городскимъ, при мысли о страданіяхъ народа подъ гнетомъ помѣщичьей власти, противъ злоупотребленій которой онъ сильно вооружался уже и въ сатирѣ своей. Въ пьесѣ *Уединеніе,* напр., онъ говоритъ о жизни въ городахъ:

Тамъ роскошь, золотомъ блестя,
Зоветъ гостей въ свои палаты
И ставитъ имъ столы богаты,
Изнѣженнымъ ихъ вкусамъ льстя;
Но въ хрусталяхъ своихъ безцѣнныхъ
Она не вина раздаетъ:
Въ нихъ пѣнится кровавый потъ
Народовъ, ею разоренныхъ.

Эти стихи написаны, вѣроятно, уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ изданія *Меркурія,* именно въ деревнѣ у князя Голицына, такъ какъ и разныя другія стихотворенія Крылова, въ которыхъ рѣчь идетъ о сельской жизни.

Журналъ *Меркурій* опять просуществовалъ только одинъ годъ, имѣвъ немного болѣе 150 подписчиковъ. Оба издателя собирались ѣхать въ чужіе края, какъ видно изъ ихъ обращенія къ публикѣ; послѣдній не успѣлъ, однакожъ, осуществить своего плана и никогда не выѣзжалъ изъ отечества. Вмѣсто того, ему удалось, какъ было сказано, побывать на югѣ Россіи, именно, въ Саратовской и въ Кіевской губерніяхъ. Въ Зубриловкѣ, прекрасномъ имѣніи на Хопрѣ, еще живы воспоминанія о нашемъ поэтѣ. Въ украинскомъ селѣ Казацкомъ написалъ онъ свою шуточную трагедію-карикатуру *Трумфъ;* ее нѣсколько разъ играли тамъ, и самъ авторъ исполнялъ при этомъ роль главнаго героя. О пребываніи Крылова въ Казацкомъ разсказываетъ Вигель, который, бу-

дучи тогда мальчикомъ, находился тамъ же по семейной связи своихъ родителей съ Голицыными и учился вмѣстѣ съ дѣтьми князя.

Отдавая полную справедливость таланту Крылова, Вигель рисуетъ, однакожъ, личность его довольно темными красками: именно, онъ представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ расчета. Къ этому отзыву одного сатирика о другомъ мы еще возвратимся и посмотримъ, насколько онъ заслуживаетъ довѣрія. Теперь же отмѣтимъ только замѣчательный отзывъ Вигеля о баснописцѣ, какъ педагогѣ. По словамъ Вигеля, Крыловъ, вызвавшись преподавать русскій языкъ сыновьямъ кн. Голицына, „и въ этомъ дѣлѣ показалъ себя мастеромъ. Уроки проходили почти всѣ въ разговорахъ; онъ умѣлъ возбуждать любопытство, любилъ вопросы и отвѣчалъ на нихъ такъ же толковито, такъ же ясно, какъ писалъ свои басни. Онъ не довольствовался однимъ русскимъ языкомъ, а къ наставленіямъ своимъ примѣшивалъ много нравственныхъ поученій и объясненій разныхъ предметовъ изъ другихъ наукъ“. Домъ кн. Голицына отличался не только высшимъ свѣтскимъ образованіемъ, но и любовью къ литературѣ. Княгиня, племянница Потемкина, сама занималась переводами и воспѣта Державинымъ, который, бывши тамбовскимъ губернаторомъ, также находилъ дружескій пріемъ въ селѣ Зубриловкѣ. Нѣсколько лѣтъ пребыванія въ такомъ домѣ не могли остаться безъ вліянія на умнаго и даровитаго Крылова. Это обнаружилось вскорѣ послѣ оставленія имъ семейства Голицыныхъ.

Съ самаго появленія своего на журнальномъ поприщѣ онъ пользовался извѣстностью; нѣкоторыя драматическія сочиненія его, написанныя въ концѣ прошлаго столѣтія, нашли мѣсто въ изданномъ Академіею Наукъ *Россійскомъ Ѳеатрѣ;* въ 1802 году явилось въ Петербургѣ, хотя безъ имени его, 2-е изданіе *Почты Духовъ.* Но слава его была еще впереди. По замѣчательному жребію, она должна была возникнуть въ самомъ средоточіи русской народной жизни, въ Москвѣ, гдѣ Крыловъ провелъ нѣсколько времени въ концѣ 1805 года. Какое-то счастливое вдохновеніе побудило его, на 38-мъ году отъ рожденія, написать въ подражаніе Лафонтену три басни: *Дубъ и Тросгь, Разборчивая Невѣста, Старикъ и трое*

молодыхъ. Въ Москвѣ онъ показываетъ свой опытъ знаменитѣйшему въ то время русскому баснописцу. Дмитріевъ съ поразительною проницательностью тотчасъ убѣждается, что это истинный родъ Крылова, и, не боясь приготовить себѣ соперника, поощряетъ его продолжать въ этомъ родѣ; полученныя же басни отдаетъ въ журналъ кн. Шаликова *Московскій Зритель:* литературное призваніе Крылова, наконецъ, найдено и разомъ опредѣлено навсегда. Можно сказать, что онъ, самъ того не зная, съ дѣтства готовился къ этому поприщу. Въ остальныя тридцать лѣтъ своей жизни онъ почти уже и не уклонялся въ сторону отъ избранной имъ литературной дѣятельности. Только въ 1807 году явились двѣ его новыя комедіи противъ ослѣпленія въ пользу всего французскаго, „Модная лавка“ и „Урокъ дочкамъ“, можетъ-быть, вызванныя тогдашнимъ патріотическимъ настроеніемъ русскаго общества въ виду борьбы съ Наполеономъ. Но, несмотря на блестящій успѣхъ этихъ двухъ пьесъ на петербургскомъ театрѣ, Крыловъ понялъ, что не драма — его призваніе, и почти не возвращался уже къ этому роду, въ которомъ не произвелъ ничего истинно-замѣчательнаго. Первое небольшое собраніе его басенъ (23-хъ), вышло въ 1809 году. Съ тѣхъ поръ количество ихъ быстро умножалось; изданія слѣдовали одно за другимъ, каждое съ прибавленіемъ новаго отдѣла; послѣднее, сдѣланное при жизни его, было напечатано въ 1843 г. и состояло изъ 9 такихъ отдѣловъ, или книгъ, которыя всѣ вмѣстѣ содержали около 200 басенъ. Съ 1819 г. изданія расходились въ нѣсколькихъ тысячахъ экземпляровъ, которымъ книгопродавцы, противъ обыкновенія, вели счетъ: число экземпляровъ всѣхъ изданій басенъ Крылова дошло при жизни его до 77 т. Многія новыя басни его, еще до ихъ напечатанія, читались имъ самимъ въ частныхъ собраніяхъ, при дворѣ или въ литературныхъ обществахъ. Уже въ 1811 г. онъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи, по преобразованіи которой сдѣлался и членомъ Академіи Наукъ; въ 1813 вступилъ въ учрежденную незадолго передъ тѣмъ въ домѣ Державина „Бесѣду любителей русскаго слова“ и тамъ не разъ читалъ вновь написанныя имъ произведенія. Тогдашніе журналы наперерывъ старались украшать свои страницы его баснями. Почти каждая изъ нихъ, при появленіи своемъ, возбуждала

вниманіе публики и дѣлалась предметомъ общихъ толковъ. Еще въ 1812 году императоръ Александръ Павловичъ пожаловалъ Крылову пенсію въ 1500 р. асс., которая, при отставкѣ его, по ходатайству Оленина, была возвышена до 5400 р. сер. *Гротъ*.

Общій характеръ морали басенъ Крылова.

Какъ ни язвительна была сатира Крылова, однако онъ самъ видѣлъ, что одною сатирою нельзя исправить людей. Въ комъ найдется столько смиреномудрія, чтобы, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, откровенно сказать самому себѣ: „да, и у меня пушекъ на рыльцѣ есть“? Онъ видѣлъ это, и рядомъ съ баснею о медвѣдѣ, который перетаскалъ весь медъ въ свою берлогу, помѣстилъ *Зеркало и Обезъяна,* которую заключилъ словами:

Такихъ примѣровъ много въ мірѣ:
Не любитъ узнавать никто себя въ сатирѣ.
Я даже видѣлъ то вчера:
Что Климычъ на руку не чистъ, всѣ знаютъ;
Про взятки Климычу читаютъ
А онъ украдкою киваетъ на Петра.

Спесь, чванство, домогательство незаслуженныхъ почестей и всегда соединенное съ этими пороками отсутствіе истинныхъ достоинствъ, находили въ немъ неумолимаго гонителя. Онъ требовалъ отъ людей правды, искренности, требовалъ, чтобы они казались тѣмъ, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ. Его паукъ, который, уцѣпившись за хвостъ орла, былъ занесенъ имъ на верхъ кавказскихъ горъ и тамъ, возгордившись, задумалъ затмить орлу же солнце, — летитъ внизъ отъ перваго дуновенія вѣтра и служитъ урокомъ тому, кто думаетъ создать свое общественное значеніе только на томъ, что случай доставилъ ему возможность схватиться за хвостъ вельможи.

Онъ мудро совѣтуетъ людямъ держаться той среды, которую имъ опредѣлила судьба, и, утѣшивъ безвѣстнаго труженика, разсказавъ ему о пчелѣ, презрѣнной орломъ, указалъ на примѣръ осла, который, родившись на свѣтъ, почти какъ мошка малъ, сталъ просить у Зевса большого роста,

думая, что если бы онъ былъ ростомъ только съ теленка, „то съ барсовъ и со львовъ онъ спеси бы посбилъ“ и заставилъ бы всѣхъ говорить о себѣ.

. . . . Моленія Осла
Послушался Зевесъ:
И сталъ Оселъ скотиной превеликой,
А сверхъ того ему такой данъ голосъ дикій,
Что нашъ ушастый Геркулесъ
Перепугалъ было весь лѣсъ.

Но не прошло и году, какъ всѣ узнали, кто оселъ:

Оселъ мой глупостью въ пословицу вошелъ,
И на Ослѣ ужъ возятъ воду.

Этотъ разсказъ онъ заключилъ слѣдующимъ четверостишіемъ

Смыслъ басни сей найдемъ,
Когда подумаемъ немножко:
Не лучше ль вѣкъ изжить на свѣтѣ мошкой,
Чѣмъ добиваться быть большимъ осломъ.

При всей своей неподвижности и видимомъ равнодушіи ко всему окружающему, онъ зорко слѣдилъ за всѣмъ, что происходило внутри государства, не ограничиваясь одною какою-либо сферою. Вопросы литературы, политики, администраціи, явленія жизни частной и общественной равно были ему извѣстны и обо всемъ умѣлъ онъ произнести свое мнѣніе, основанное не на минутномъ увлеченіи извѣстнымъ взглядомъ партіи, модномъ философскомъ ученіи, но на здравыхъ, непоколебимыхъ, вѣчныхъ началахъ. Проницательный взглядъ его не омраченъ никакими увлеченіями: „ни матеріализмъ, ни мистицизмъ, ни либерализмъ (говоритъ Плетневъ) не свели его съ той дороги религія, философіи и политики, на которой онъ утвердился собственнымъ размышленіемъ и изученіемъ“. Онъ не учился ни въ какой школѣ; самая жизнь была для него школою; изъ нея черпалъ онъ свою мудрость и освѣщалъ ею путь для заблудившихся и для тѣхъ, которые, по неопытности, вѣтрености или излишней воспріимчивости, могли заблудиться.

Изученіе его басенъ въ связи съ тѣмъ временемъ, когда онѣ являлись въ свѣтъ, разрѣшаетъ вопросъ, почему современники предрекли ему безсмертіе. Онъ глубоко понималъ ихъ стремленія, живо чувствовалъ ихъ симпатіи и анти-

патіи, и для всего, что волновало ихъ умы и заставляло биться ихъ сердца, онъ нашелъ выраженіе, все это облекъ въ образы, доступные пониманію каждаго. Онъ разрѣшалъ вопросы, приводившіе ихъ въ недоумѣніе, и въ его рѣшеніяхъ „слышалась разумная середина, примиряющій третейскій судъ, которымъ такъ силенъ русскій умъ, когда достигаетъ полнаго своего совершенства“ (Гоголь).

Кеневичъ.

Вопросы воспитанія и образованія въ басняхъ Крылова.

Басня *Воспитаніе Льва* примыкаетъ къ цѣлому разряду другихъ, писанныхъ на тему о правильномъ воспитаніи. Въ своемъ сужденіи о воспитаніи императора Александра Крыловъ вполнѣ раздѣляетъ точку зрѣнія тогдашнихъ консерваторовъ-націоналистовъ, выраженную Вигелемъ, по мнѣнію котораго „его (Александра) воспитаніе было одною изъ великихъ ошибокъ Екатерины: образованіе его ума поручила она женевцу Лагарпу, который, оставляя Россію, столь же мало зналъ ее, какъ въ день своего пріѣзда, и который карманную республику свою поставилъ образцомъ самодержцу величайшей имперіи въ мірѣ“. Крайность взгляда Крылова ярко сказывается въ томъ, что молодой *левъ* въ его баснѣ подъ руководствомъ *орла* изучаетъ *птичьи* нужды и, прошедши свою школу, намѣревается учить своихъ подданныхъ *вить гнѣзда;* слѣдовательно, по мнѣнію Крылова между русскимъ народомъ, его нуждами и потребностями, „пользами и выгодами, и западно-европейскимъ міромъ, представителемъ котораго въ данномъ случаѣ является Лагарпъ, не болѣе общаго, чѣмъ между міромъ звѣрей и пернатыхъ. Несомнѣнно, что идея національной самобытности выражена здѣсь до крайности рѣзко, въ ущербъ мысли о гуманитарныхъ, общечеловѣческихъ началахъ, составляющихъ истинную основу воспитанія. Конечно, Лагарпъ не зналъ и не могъ знать Россіи; но не слѣдуетъ забывать, что онъ не одинъ былъ воспитателемъ будущаго императора, и что, если его питомецъ не вынесъ изъ своей школы точнаго и вѣрнаго понятія о насущныхъ потребностяхъ своего государства и на-

рода, то вина въ этомъ падаетъ гораздо болѣе на русскихъ наставниковъ Александра, не сумѣвшихъ или не хотѣвшихъ восполнить этотъ важный пробѣлъ. Съ другой стороны, слѣдуетъ принять во вниманіе, что, несмотря на кратковременность обученія у Лагарпа и на нѣсколько двойственное положеніе послѣдняго при дворѣ, вліяніе этого женевца на его воспитанника было и очень сильно и очень продолжительно, что̀ объясняется умственнымъ превосходствомъ Лагарпа надъ прочими наставниками, а главное — самымъ духомъ его уроковъ, отвѣчавшихъ лучшимъ душевнымъ наклонностямъ юнаго Александра. Занятія съ Лагарпомъ расширяли умственный горизонтъ будущаго государя, знакомили его съ жизнью и идеалами древняго міра, съ плодотворными идеями европейскихъ мыслителей и внушали идеалистическую любовь къ свободѣ, гражданскимъ доблестямъ, справедливости, равенству, общему благу, отвращеніе къ деспотизму и рабству, — вообще дѣйствовали возвышающимъ и освѣжающимъ образомъ на воспріимчивую, мечтательную душу порфиророднаго отрока. Вліяніе наставника-республиканца, поскольку оно признавалось нежелательнымъ, сдерживалось и ограничивалось другими воспитателями, но, очевидно, ихъ доводы не въ силахъ были перевѣсить запасъ идей, внушенныхъ Александру Лагарпомъ, тѣмъ болѣе, что, подобно послѣднему, одинъ изъ русскихъ наставниковъ молодого великаго князя, именно М. Н. Муравьевъ, также былъ одушевленъ помыслами объ общественномъ благѣ и ненавистью къ рабству и угнетенію. Во всякомъ случаѣ одно безспорно, что настоящаго, живого знакомства съ положеніемъ и потребностями народа не могли при условіяхъ того времени дать Александру ни туземные, ни иностранные наставники, ни сановники, до тонкости изучившіе придворную науку, ни опытные администраторы, хорошо знавшіе рутину государственнаго механизма, ни люди науки, черпавшіе свои познанія изъ книгъ, главнымъ образомъ, изъ древнихъ и новыхъ европейскихъ классиковъ. Даже знаніе общаго хода историческаго развитія примѣнительно къ родной странѣ, основательное знакомство съ прошлыми судьбами народа, съ его общественною и духовною жизнью въ теченіе ряда вѣковъ, при уровнѣ историческихъ знаній въ концѣ XVIII вѣка должно было носить характеръ неполный, отрывочный, поверхностный и односторонній. Трудно въ виду

всего этого обвинять Екатерину за то, что она, желая поставить на разумныхъ основаніяхъ воспитаніе своего внука, обратилась за помощью къ Западу, къ идеямъ Локка и Руссо, какъ къ лучшимъ результатамъ человѣческаго мышленія, не находя у себя дома ничего, что можно было бы поставить вровень или въ противовѣсъ этому культурному запасу.

Если полученное воспитаніе отрывало будущаго императора отъ реальной почвы, на которой ему впослѣдствіи пришлось работать, не обогатило его необходимыми, насущными свѣдѣніями и вообще носило отпечатокъ идеально-мечтательнаго дилетантизма, — оно, по крайней мѣрѣ, способствовало развитію общечеловѣческихъ принциповъ, во исполненіе пожеланія, такъ кратко и ясно выраженнаго Державинымъ въ его знаменитой одѣ: „Будь на тронѣ *человѣкъ!*“ — „Все *народное* ничто передъ *человѣческимъ.* Главное дѣло быть *людьми,* а не *славянами.* Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ; и что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣка, то *мое,* ибо я человѣкъ!“ Такъ писалъ въ свое время Карамзинъ, но не всѣ и не всегда думали и думаютъ такимъ образомъ, не всегда и самъ авторъ этихъ словъ оставался вѣренъ провозглашенному имъ принципу. Въ *Воспитаніи Льва* Крылова мы видимъ выраженіе идеи національной особенности, которая въ крайнемъ развитіи приводитъ къ неменьшимъ несообразностямъ, чѣмъ и абсолютный космополитизмъ.

Вопросу о воспитаніи и просвѣщеніи Крыловъ посвятилъ, какъ извѣстно, еще басни: *Кукушка и Горленка, Крестьянинъ и Змѣя, Червонецъ, Бочка* и *Водолазы.* Изъ нихъ первыя двѣ написаны на спеціальную тему о вредѣ воспитанія черезъ наемныхъ лицъ, главнымъ образомъ, иностранцевъ; двѣ слѣдующія, хотя также несомнѣнно имѣютъ въ виду то же явленіе въ жизни русскаго общества ставятъ, однако, проблему нѣсколько шире, особенно *Червонецъ,* прямо начинающійся общимъ вопросомъ: „Полезно ль просвѣщенье?“ Наконецъ, въ *Водолазахъ* мы находимъ еще болѣе принципіальную постановку вопроса — о пользѣ или вредѣ не одного только *просвѣщенія,* болѣе или менѣе внѣшняго, а ученья, науки, знанія, вообще, независимо отъ его правильнаго или ложнаго направленія. Въ *Кукушкѣ и Горленкѣ* выражена

простая и безусловно вѣрная мысль о томъ, что родители, ввѣряющіе своихъ дѣтей „наемничьимъ рукамъ“, не могутъ и не въ правѣ ожидать привязанности отъ нихъ. Вопросъ національный въ этой баснѣ не затрогивается прямо, говорится вообще о „наемникахъ“, кто бы они были, хотя при соображеніи съ тогдашними условіями трудно сомнѣваться, что рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о воспитателяхъ-иностранцахъ. Однако, заключающіяся въ нравоученіи къ баснѣ слова: „но, если выросли они *въ разлукѣ съ вами*...“ могутъ быть приняты также по адресу воспитанія въ закрытыхъ учебныхъ заведеніяхъ; только едва ли основательно было бы обвинять родителей за отдачу дѣтей въ интернаты въ такое время, когда выборъ между существующими училищами былъ, во всякомъ случаѣ не особенно великъ, и разлука родителей съ дѣтьми представлялась нерѣдко неизбѣжною, если вообще хотѣли дать дѣтямъ какое-нибудь образованіе, не имѣя возможности всецѣло сосредоточить дѣло воспитанія и обученія въ стѣнахъ родного дома. Въ *Бочкѣ* авторъ указываетъ на тлетворное вліяніе „вреднаго ученья“, которымъ стоитъ лишь напитаться съ юныхъ дней, чтобы потомъ отзываться имъ постоянно. Можетъ-быть, такое утвержденіе слишкомъ рѣшительно высказано; но главный вопросъ заключается не въ этомъ: намъ любопытно было бы знать, какія именно вредныя ученія имѣетъ здѣсь Крыловъ въ виду. Понятіе о вредномъ весьма растяжимо, и выясненіе вопроса въ данномъ случаѣ могло бы пролить свѣтъ на отношеніе Крылова къ современнымъ ему умственнымъ теченіямъ въ русскомъ обществѣ. Къ сожалѣнію, прямого отвѣта на интересующій насъ вопросъ мы не имѣемъ и можемъ только предполагать, что рѣчь идетъ или о матеріализмѣ, или о модныхъ въ то время увлеченіяхъ мистицизмомъ, масонствомъ, иллюминатствомъ и т. д., или, наконецъ, о политическомъ вольнодумствѣ, проявленія котораго тѣсно связывались, по убѣжденію консерваторовъ того времени, съ обѣими названными противоположностями.

Басня *Крестьянинъ и Змѣя* принадлежитъ къ числу наиболѣе характерныхъ какъ для самого ея автора, такъ и вообще для той эпохи, когда появилась въ печати (1813 г.). Не даромъ она помѣщена въ *Сынѣ Отечества*, начавшемъ выходить въ свѣтъ въ годину непріятельскаго нашествія и

поставившемъ своею задачею борьбу во имя патріотизма и національности противъ преобладанія иноземныхъ вліяній. Съ возбужденнымъ до крайности настроеніемъ тогдашняго общества вполнѣ гармонируетъ рѣзкій приговоръ, произнесенный Крыловымъ надъ всѣми воспитателями-французами безъ разбора: не подвергая сомнѣнію добрыхъ качествъ змѣи, просящейся къ нему въ домъ, крестьянинъ тѣмъ не менѣе отказывается принять ее изъ опасенія дурного примѣра: за одной доброй змѣей вползутъ сто злыхъ; сверхъ того, и лучшая *змѣя* все же остается змѣей и *ни къ чорту не годится*. Здѣсь, слѣдовательно, кладется позорное клеймо на цѣлую націю, изображаемую въ видѣ скопища змѣй, отъ которыхъ нельзя ничего ожидать, кромѣ зла. Что въ данномъ случаѣ Крыловъ выражалъ не одно свое личное воззрѣніе, видно уже изъ того, что вмѣсто всякаго разъяснительнаго нравоученія онъ на этотъ разъ ограничился однимъ короткимъ вопросомъ: „Отцы, понятно ль вамъ, на что здѣсь мѣчу я?“ Идея басни, стало-быть, по мнѣнію автора, достаточно ясна сама по себѣ. Въ высшей степени характерны (приведенныя въ примѣчаніяхъ Кеневича)[1]) выдержки изъ того же *Сына Отечества* за 1812—1813 г., посвященныя тому же вопросу о тлетворности французскаго духа, французскаго воспитанія, — выдержки, отражающія озлобленіе современнаго общества противъ враговъ, грозившихъ поработить Россію. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, озлобленіе не знало границъ, обобщалось на весь народъ безъ изъятій; имя „французъ“ являлось синонимомъ чудовища, изверга, варвара; вся нація представлялась лишенною вполнѣ нравственныхъ основъ, безъ религіи, безъ добродѣтели, безъ гражданскихъ доблестей и т. д. Раздавались даже голоса, взывавшіе „delenda Francia!“ и предсказывавшіе французскому народу въ будущемъ участь даже не евреевъ, связанныхъ въ своемъ разсѣяніи тѣсными узами религіи, а бродячихъ цыганъ! Начиная съ офиціальной рѣчи Гнѣдича, читанной при открытіи Публичной библіотеки, и кончая карикатурами Теребенева, предназначенными для народной массы, во всей литературѣ тѣхъ годовъ мы найдемъ яркія проявленія этого безусловно отрицательнаго и непримиримо-

[1]) Стран. 119—123.

враждебнаго отношенія къ „новымъ вандаламъ“, по выраженію нашего баснописца *(Ворона и Курица)*. Вообще, какъ извѣстно, нападки на господствовавшую въ русскомъ образованномъ или полуобразованномъ обществѣ галломанію не представляли собою новаго сюжета въ русской литературѣ: напротивъ, эта тема трактовалась нашими сатириками чуть не со временъ Кантемира; въ комедіяхъ Сумарокова и въ журналахъ екатерининской эпохи „петиметры“ и „щеголихи“, не умѣющіе говорить на своемъ родномъ языкѣ, презирающіе все русское и корчащіе изъ себя чистокровныхъ французовъ, пустоголовые, невѣжественные при всемъ внѣшнемъ лоскѣ, легкомысленные и безнравственные, — постоянно фигурируютъ на ряду съ доморощенными, первобытными невѣждами. Не менѣе излюбленными персонажами являются эти обезьяны просвѣщенія и въ комедіяхъ Княжнина и Фонвизина: достаточно вспомнить бригадирскаго сына, обучавшагося до поѣздки въ Парижъ у французскаго кучера, и совѣтницу и гувернера Пеликана, умѣющаго „рвать зубы мастерски и вырѣзывать мозоли“. Самъ Крыловъ, еще будучи издателемъ *„Почты Духовъ“*, затронулъ тотъ же вопросъ о модномъ воспитаніи, замѣнившемъ будто бы прежнюю благочестивую простоту и чистоту нравовъ: „Теперь, по прошествіи *варварскихъ* временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы“. Также въ комедіи Крылова *Модная Лавка* (1807 г.) выведенъ на сцену французъ — плутъ, ростовщикъ и доносчикъ; другая его комедія, имѣвшая не меньшій успѣхъ у зрителей, — *Урокъ Дочкамъ,* — написана опять-таки въ насмѣшку надъ галломаніею. Однако всѣ эти сатирическія вылазки, порою рѣзко саркастическаго оттѣнка, еще весьма далеки отъ того нетерпимаго ожесточенія и патріотически-приподнятаго, проповѣдническаго тона, какіе явились результатомъ отечественной войны и вызванныхъ ею національныхъ страстей. Иностранные воспитатели — и притомъ не одни французы — вообще играли важную и иногда, дѣйствительно, отрицательную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія XVIII и начала XIX вѣка, что̀ было и вполнѣ понятно: не имѣя часто

другихъ наставниковъ русскихъ, кромѣ Кутейкиныхъ и Цифиркиныхъ, общество по необходимости должно было прибѣгать и къ иноземнымъ Вральманамъ и Бопре (*Капитанская дочка),* безъ котораго молодой Гриневъ, — правда, ничему не научившійся у своего *мусье,* кромѣ фехтованія, — не имѣлъ бы другого ментора, кромѣ патріархально-преданнаго холопа Савельича. Указанные нами экземпляры, выведенные въ литературѣ, были еще далеко не худшими: дѣйствительная жизнь представляла и такихъ субъектовъ, каковы грубый, жестокій невѣжда Миллеръ или еще болѣе жестокій и развратный Іосифъ Розе, съ которыми насъ познакомили записки Болотова и Державина. Не разъ и позднѣйшая русская литература касалась того же вопроса о вліяніи самозванныхъ воспитателей, преимущественно французовъ, на русскихъ питомцевъ, и не разъ Бѣлинскому съ его обычною мѣткостью приходилось указывать на устарѣлость и односторонность такихъ выходокъ, напр., по поводу романа Основьяненка *Жизнь и похожденія Петра Степанова сына Столбикова* (1841), герой котораго провелъ нѣсколько лѣтъ въ пансіонѣ у француза Филу. Говоря объ этомъ произведеніи, Бѣлинскій замѣчаетъ: „По мнѣнію г. Основьяненка, всѣ иностранцы — злодѣи и мерзавцы; отъ нихъ все зло на свѣтѣ... Всѣ иностранцы, выведенные въ его повѣсти, ссылаются въ Сибирь, а иностранки дѣлаются развратницами... Старая пѣсня! Теперь всякому извѣстно, что много было вреда для общества отъ разныхъ выходцевъ, но что между ними бывали и достойные люди, сдѣлавшіе много добра... Кстати: почему авторъ не сказалъ, въ какомъ пансіонѣ воспитывался опекунъ Столбикова, члены суда, которые вопреки законамъ сдѣлали его опекуномъ, и прочія лица, въ такой наготѣ и такъ рѣзко изображенныя въ романѣ?“ Подобное же замѣчаніе дѣлаетъ Бѣлинскій нѣсколько позже (1845 г.) по поводу *Тарантаса* гр. Соллогуба, отмѣчая филиппику автора противъ злополучныхъ воспитателей, поневолѣ осѣвшихъ на Руси послѣ кампаніи 1812 г.: „Всѣмъ извѣстно, что французы долго мстили намъ за свою неудачу, оставивъ за собою несмѣтное количество фельдфебелей, фельдшеровъ, сапожниковъ, которые подъ предлогомъ воспитанія испортили на Руси едва ли не цѣлое поколѣніе“. Бѣлинскій находитъ это замѣчаніе

энергическимъ и остроумнымъ, но далеко не новымъ, такъ какъ „оно уже тысячу тысячъ разъ было предметомъ посильныхъ остротъ журналовъ и нравоучительныхъ романовъ добраго стараго времени“, и притомъ „едва ли основательнымъ“, такъ какъ „человѣку, несчастною судьбою занесенному въ чуждую страну, нечего ѣсть, а умирать съ голоду, естественно, не хочется; что же тутъ острить, что онъ схватился даже и за воспитаніе, чтобы добыть кусокъ хлѣба?“ (Впрочемъ, въ данномъ случаѣ и самъ авторъ *Тарантаса* не обобщаетъ своей рѣзкой характеристики на иностранцевъ безъ разбора, выключая эмигрантовъ изъ прочей „саранчи“.) Этотъ человѣчный взглядъ на дѣло, затемненный у людей, переживших эпоху 1812 г., національными страстями, проглядывалъ и у гуманиста XVIII вѣка, Фонвизина: его Вральманъ только тогда взялся за учительство, когда прошатался въ Москвѣ три мѣсяца безъ мѣста, вслѣдствіе чего ему и пришлось либо съ голоду умирать, либо быть учителемъ Митрофанушки, и при первой же возможности Вральманъ охотно бросаетъ несвойственное ему шарлатанство, хорошо по тогдашнимъ условіямъ оплачиваемое, чтобы стать попрежнему кучеромъ. Такую же страничку изъ дѣйствительной жизни, исполненную истиннаго трагизма въ смѣшеніи съ неподдѣльнымъ комизмомъ, представляетъ намъ мимоходомъ авторъ *Записокъ Охотника* въ своемъ *Однодворцѣ Овсяниковѣ,* разсказывая о похожденіяхъ барабанщика Лежёня, едва не утопленнаго смоленскими мужичками и спасеннаго только увѣреніемъ, что онъ можетъ быть учителемъ музыки. Только писатель новаго поколѣнія, Тургеневъ и его сверстники, усвоили себѣ вполнѣ свободный и безпристрастный тонъ по отношенію къ иностраннымъ просвѣтителямъ русскаго юношества: вспомнимъ добродушнаго, сентиментальнаго нѣмца въ стихотворной поэмѣ Тургенева *Помѣщикъ,* тоскующаго по далекой родинѣ, меланхолика Рикмана въ *Дневникѣ лишняго человѣка,* идеалиста-пѣвца въ *Фаустѣ,* жреца чистаго, возвышеннаго искусства, музыканта Лемма въ *Дворянскомъ гнѣздѣ*... Въ романѣ *Кто виноватъ?* наше вниманіе приковываетъ къ себѣ благородный мечтатель-женевецъ, гувернеръ Бельтова, имѣвшій такое сильное вліяніе на своего питомца, при чемъ естественная связь идей приводитъ намъ на память другого

историческаго женевца въ отношеніяхъ къ его царственному ученику. Но именно только лучшіе люди 40-хъ годовъ могли освободиться и отъ фонвизинской комической утрировки и отъ нетерпимой ненависти *Сына Отечества*. Представители эпохи непосредственно предыдущей еще не въ силахъ были стать на объективную точку зрѣнія: даже у Грибоѣдова не только Фамусовъ брюзжитъ противъ „Кузнецкаго моста и вѣчныхъ французовъ“, но и Чацкій, т.-е. самъ авторъ, справедливо негодуя противъ „пустого, рабскаго, слѣпого подражанья“ и „чужевластья модъ“, въ пылу разгоряченія на „французика изъ Бордо“ и „сестрицъ-княженъ“ жалѣетъ о бородахъ и длинно-полыхъ кафтанахъ древней Руси и полагаетъ желательнымъ занять у китайцевъ „премудраго незнанья иноземцевъ“. Болѣе спокойный и уравновѣшенный Пушкинъ, рисуя картину воспитанія Гринева или Евгенія Онѣгина, котораго monsieur l'Abbé всему училъ шутя, сохраняетъ гораздо болѣе объективный тонъ бытописателя, „не вѣдающаго ни жалости ни гнѣва“, изображающаго жизнь, какъ она была или есть, безъ своихъ комментаріевъ, хотя преимущественно съ одной стороны. Каковы бы во всякомъ случаѣ ни были monsieur Бопре и monsieur l'Abbé, авторъ не приписываетъ имъ никакого специфически-пагубнаго вліянія на нравственность ихъ воспитанниковъ. Но отголоски прежняго, нетерпимаго отношенія сказывались и въ позднѣйшіе годы, какъ результатъ увлеченія принципомъ народности, окрашиваясь въ оттѣнокъ славянофильства: такъ, самоучка собиратель сказаній русскаго народа, Сахаровъ, видѣлъ особенное свое счастье въ томъ, что надъ его воспитаніемъ не трудилась ни одна иноземная *тварь*. Изъ приведенныхъ выдержекъ и сопоставленій, надѣемся, ясно вытекаетъ тотъ фактъ, что въ баснѣ *Крестьянинъ и Змѣя* Крыловъ вѣрно отразилъ настроеніе своей эпохи, бывшее и его личнымъ убѣжденіемъ: мы не можемъ вполнѣ раздѣлять взгляда баснописца, но не считаемъ себя въ правѣ и упрекать его за рѣзкость вывода, объясняемую особыми условіями времени. Мысль односторонняя все же заслуживаетъ вниманія, именно какъ мысль, прямо и искренно выраженная. Мораль басни *Червонецъ*, по всей вѣроятности, также имѣетъ въ виду иноземное воспитаніе, хотя въ ней вопросъ о пользѣ просвѣщенія поставленъ

въ болѣе общей формѣ и рѣшается въ положительномъ смыслѣ; авторъ предостерегаетъ только отъ ложнаго просвѣщенія, именемъ котораго люди часто зовутъ „роскоши прельщенье и даже нравовъ развращенье“; не имѣя ничего противъ „содранія коры грубости“, онъ вооружается противъ пустого блеска, замѣняющаго простоту, заглушающаго природныя добрыя свойства, ослабляющаго духъ и портящаго нравы общества. Дидактизмъ этой басни (напечатанной въ 1812 г.) вполнѣ соотвѣтствуетъ точкѣ зрѣнія сатириковъ и моралистовъ XVIII в.: Новиковъ, Щербатовъ, Болтинъ, фонвизинскій Стародумъ могли бы вполнѣ подписаться подъ баснею Крылова, какъ и подъ его (приведенною выше) тирадою въ *Почтѣ Духовъ*; въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, внутренняя преемственная связь между Крыловымъ-журналистомъ и Крыловымъ-баснописцемъ съ полною наглядностью выступаетъ наружу.

Наиболѣе принципіальное рѣшеніе вопроса о пользѣ или вредѣ ученія, знанія съ точки зрѣнія Крылова представляетъ басня „Водолазы“. Общественное значеніе этой басни, въ виду высокой важности затрогиваемой ею темы, было причиною того, что, слѣдуя убѣжденіямъ своихъ вліятельныхъ друзей, скромный баснописецъ на этотъ разъ выступилъ въ роли оффиціальнаго публициста и прочелъ свое произведеніе въ торжественномъ собраніи по случаю открытія Императорской Публичной библіотеки 2 января 1814 года. Тонъ басни вполнѣ спокойный, объективный: передавъ довольно обстоятельно доводы царскихъ совѣтниковъ за и противъ ученья, авторъ въ заключеніе первой части своего разсказа говоритъ, что „съ обѣихъ сторонъ, и *дѣло* выводя и *вздоры*, бумаги исписали горы, а о наукахъ споръ остался не рѣшенъ“, но не даетъ ни малѣйшаго намека на то, что̀ именно изъ изложенныхъ имъ мнѣній онъ самъ считаетъ дѣломъ и что̀ вздоромъ. Сомнѣнія царя насчетъ пользы наукъ рѣшаетъ мудрецъ-пустынникъ своею притчею о водолазахъ; однако, хотя Плетневъ и находитъ въ этой баснѣ „*рѣшеніе* одного изъ труднѣйшихъ вопросовъ касательно просвѣщенія“, едва ли это рѣшеніе въ состояніи удовлетворить кого бы то ни было, разъ вопросъ поставленъ ребромъ, въ формѣ окончательной дилеммы: „*да* иль *нѣтъ?* т.-е. ученымъ вонъ изъ царства убираться, или попрежнему въ томъ царствѣ оставаться?“

Басня оканчивается притчею пустынника и выведенною изъ нея двойною моралью, и мы не знаемъ, какъ поступилъ царь, выслалъ ли онъ ученыхъ изъ своего царства, или нѣтъ; можно даже полагать, что онъ на самомъ дѣлѣ и послѣ разговора съ пустынникомъ остался на прежнемъ распутьи, не подвинувшись къ рѣшенію задачи. Выводъ пустынника напоминаетъ знаменитую формулу: „съ одной стороны должно признаться, а съ другой нельзя не сознаться“, и единственное практическое поученіе, какое царь могъ извлечь изъ разсказанной ему притчи, сводится развѣ къ тому, чтобы поощрять ученье въ извѣстныхъ, правда, весьма трудно опредѣлимыхъ границахъ и не допускать „вольнодумства“ и „суемудрія“, понятій, весьма растяжимыхъ. Вотъ подлинныя слова мудреца: „*Хотя* въ ученьи зримъ мы *многихъ благъ причину, но дерзкій умъ* находитъ въ немъ *пучину* и свой погибельный конецъ, лишь съ разницею тою, что часто въ гибель онъ другихъ влечетъ съ собою“. Здѣсь вторая половина періода рѣшительнѣе и развита полнѣе, чѣмъ первая, лишь въ формѣ *уступки* признающая ученье источникомъ *многихъ благъ* и по своей неопредѣленности производящая впечатлѣніе общаго мѣста. Конечный выводъ склоняется скорѣе не въ пользу наукъ, если онѣ могутъ являться пучиною, въ которую дерзкій умъ влечетъ другихъ на пагубу. Перевѣшивается ли отрицательное вліяніе ученья пользою, имъ приносимою, или наоборотъ? — заключается ли въ самомъ знаніи и въ здравомъ смыслѣ общества надежное противоядіе противъ вредныхъ и опасныхъ увлеченій? — вотъ основные вопросы, представляющіеся уму при рѣшеніи задачи, поставленной въ разбираемой баснѣ. Если на эти вопросы не можетъ быть данъ благопріятный отвѣтъ, тогда, конечно, не можетъ быть рѣчи и о свободѣ и широтѣ научнаго изслѣдованія, всегда связаннаго съ рискомъ увлеченій и заблужденій. Не всякій умѣетъ при исканіи научныхъ жемчуговъ „выбирать себѣ по силѣ глубину“, какъ разумнѣйшій изъ трехъ братьевъ-водолазовъ, а въ случаѣ примѣненія на практикѣ вывода, вытекающаго изъ морали басни, легко можетъ оказаться, что и этотъ разумный искатель истины, умѣющій опредѣлить мѣру своихъ поисковъ, будетъ лишенъ возможности „всечасно богатѣть“ и обогащать другихъ плодами своихъ изысканій, такъ какъ очер-

ченный имъ для своей дѣятельности кругъ можетъ въ глазахъ другихъ представляться слишкомъ обширнымъ. Гдѣ же оканчивается разумная *глубина,* и гдѣ начинается *пучина?* — отвѣта на такой вопросъ басня „Водолазы“, конечно, не даетъ, слѣдовательно, не рѣшаетъ спорнаго дѣла такъ же точно, какъ не могли его рѣшить выведенные въ баснѣ царскіе совѣтники съ ихъ противоположными сужденіями.

Нѣтъ сомнѣнія, что Крыловъ не былъ врагомъ просвѣщенія: враждебное отношеніе невѣжества къ знанію, ко всему, что выходитъ за узкіе предѣлы пониманія невѣжды, вредъ, причиняемый знанію невѣждами сильными и вліятельными, — дали сатирическій матеріалъ не для одной басни писателя („Мартышка и очки“, „Пѣтухъ и жемчужное зерно“, „Свинья подъ Дубомъ“, „Голикъ“); съ другой стороны, онъ подвергаетъ осмѣянію теоретическій педантизмъ, не умѣющій приладиться къ живой дѣйствительности („Ларчикъ“, „Огородникъ“ и „Философъ“), и нелѣпыя, рискованныя затѣи, прикрывающіяся quasi-научнымъ авторитетомъ („Механикъ“). Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ г. Флери („Journal de St.-Pétersbourg“, 1867 г., № 219), упрекающаго Крылова по поводу его насмѣшекъ надъ учеными педантами („Любопытный“, „Огородникъ“ и „Философъ“) въ непріязненномъ отношеніи къ научнымъ открытіямъ и изобрѣтеніямъ, въ пристрастіи къ рутинѣ; зато нельзя отрицать, что разрѣшеніе теоретическихъ вопросовъ высшаго порядка не удавалось Крылову. Мы видѣли на примѣрѣ „Водолазовъ“, насколько неудовлетворительно онъ отвѣтилъ на вопросъ о роли знанія въ жизни человѣческаго общества. Не болѣе удачно рѣшается вопросъ о политической свободѣ въ баснѣ „Конь и Всадникъ“; разнузданный конь сбросилъ сѣдока, а самъ убился до смерти, свалившись въ оврагъ, и басня заключается банальною сентенціею: „Какъ ни приманчива свобода, но для народа не меньше гибельна она, когда *разумная* ей *мѣра* не дана“. Справедливость этого афоризма не подлежитъ сомнѣнію; но что̀ слѣдуетъ разумѣть подъ *разумною мѣрою* свободы? Гдѣ граница, отдѣляющая свободу отъ анархіи? По этимъ вопросамъ мыслители и общественные дѣятели постоянно расходились и будутъ расходиться во мнѣніяхъ, а живая практика не даетъ возможности установить общее теоретическое правило въ этомъ случаѣ: одинаковая степень свободы

можетъ вести къ неодинаковымъ послѣдствіямъ въ зависимости отъ множества разнодныхъ условій дѣйствительности — племенныхъ, историческихъ, интеллектуальныхъ, экономическихъ и т. д. Вообще подобныя сложныя проблемы, требующія всесторонняго, тщательнаго разсмотрѣнія, представляютъ, мало пригодный матеріалъ для обработки въ формѣ басни, одно изъ главныхъ достоинствъ которой составляетъ краткость, и политико-философскія трактаты подъ оболочкою басенъ часто по необходимости грѣшатъ противъ этого обязательнаго качества послѣднихъ и все-таки оставляютъ дѣло недостаточно выясненнымъ. Къ этому разряду принадлежитъ и знаменитая басня „Сочинитель и Разбойникъ", подобно „Водолазамъ", отмѣченная штемпелемъ офиціальной публицистики (читана въ торжественномъ собраніи Императорской Публичной библіотеки 2 января 1817 года вмѣстѣ съ двумя другими баснями, съ которыми и напечатана впервые отдѣльною брошюрой). Содержаніе басни хорошо извѣстно: „разбойникъ пера", по выраженію новѣйшей терминологіи, „славою покрытый сочинитель", признанъ вреднѣйшимъ, чѣмъ разбойникъ большихъ дорогъ, и подвергнутъ сравнительно съ послѣднимъ гораздо тягчайшему наказанію въ загробной жизни. По характеристикѣ самого автора, этотъ сочинитель, сладкогласный и опасный, какъ сирена, „тонкій разливалъ въ своихъ твореньяхъ *ядъ*, вселялъ безвѣріе, укоренялъ развратъ". Понятіе о литературномъ ядѣ, какъ извѣстно, не отличается опредѣленностью; однако въ этомъ случаѣ мы не можемъ сказать, что авторъ оставляетъ насъ въ неизвѣстности насчетъ дѣйствительнаго содержанія зловредныхъ твореній сочинителя: указаніе на безвѣріе и развратъ, укоренявшіеся имъ, дополняется подробными разъясненіями самой Мегеры, дающей понять протестующему на жестокость кары сочинителю истинную степень его виновности. Оказывается, что сочинитель величалъ безвѣріе просвѣщеньемъ, облекъ страсти и порокъ въ приманчивый видъ, осмѣялъ, какъ дѣтскія мечты, супружество, начальство, власти, выставляя ихъ источникомъ всѣхъ людскихъ бѣдъ, и чрезъ это стремился „расторгнуть связи общества", словомъ, „потрясалъ основы", какъ выражаются иногда въ наше время. Положимъ, не имѣя подъ руками подлинныхъ сочиненій писателя, трудно судить о степени достовѣрности всѣхъ этихъ тяжкихъ обвиненій:

вѣдь, по мнѣнію, напримѣръ, Фамусова, и Чацкій, желающій служить дѣлу, а не лицамъ, также „властей не признаетъ“; однако, такъ какъ въ данномъ случаѣ мы слышимъ непреложный приговоръ загробнаго правосудія, сомнѣнія являются неумѣстными, и намъ остается признать, что мы имѣемъ дѣло съ настоящимъ, профессіональнымъ потрясателемъ основъ. Спрашивается только, насколько умышленны были литературные грѣхи сочинителя? Сознательно ли онъ разсѣвалъ вредныя идеи, желая льстить дурнымъ страстямъ общества и увлекаясь дешевыми лаврами и восторгами толпы, или же онъ искренно, по убѣжденію, слѣдовалъ своему, хотя бы и ложному, направленію и творилъ зло, думая и желая дѣлать добро? Этотъ вопросъ далеко не безразличенъ: конечно, если бы рѣчь шла объ огражденіи общества отъ превратныхъ идей путемъ стѣсненія дѣятельности писателя, вообще о *земныхъ* мѣрахъ обузданія, — тогда можно было бы оставить въ сторонѣ вопросъ о намѣреніяхъ вреднаго автора на основаніи извѣстнаго афоризма, что самый адъ вымощенъ добрыми намѣреніями. Пожалуй, та же нормальная точка зрѣнія была бы понятна и за предѣлами земной жизни, сообразно съ языческими представленіями, по которымъ мстительныя адскія сестры преслѣдовали и терзали не только несознательныхъ, но даже и нечаянныхъ преступниковъ. Но на иномъ принципѣ построена мораль христіанская, провозглашающая: „не судите по наружности, но судите судомъ праведнымъ“, допускающая, что даже всякій гонящій и убивающій провозвѣстниковъ истины можетъ быть искренно убѣжденъ, что этимъ служитъ Богу. Это — та высшая, гуманная нравственность, основанная на любви, которая среди смертныхъ мученій молитъ объ отпущеніи грѣха людямъ, *не вѣдающимъ, что̀ творятъ.* Если же, по мысли автора басни, злополучный сочинитель и съ христіанской точки зрѣнія оказался достоинъ жесточайшей кары, приходится предположить, что онъ дѣйствовалъ сознательно и потому осужденъ безъ снисхожденія (онъ и самъ, жалуясь на справедливость боговъ и не считая себя виновнѣе разбойника, готовъ признать, что писалъ *немножко вольно*). Однако, если виновность сочинителя и является неоспоримымъ фактомъ, остается еще возможнымъ спорить о силѣ его вліянія на умы современниковъ и потомковъ. Устами Мегеры Крыловъ вы-

ражаетъ свой собственный взглядъ на этотъ существенно важный вопросъ и преувеличиваетъ до крайней степени силу яда, разлитаго писателемъ въ его твореніяхъ: онъ *одинъ* оказывается виною бѣдствій цѣлой страны, которая, будучи „опоена его ученьемъ“, полна „убійствами и грабежами, раздорами и мятежами“ и именно *имъ* доведена „до *погибели!*“ „Въ ней *каждой* капли слезъ и крови — *ты* виной!“ Полагаемъ, преувеличеніе здѣсь до того явно, что не требуетъ доказательствъ. Неужели *связи*, многовѣковые устои общества могутъ быть до того шатки, что произведенія одного писателя, какъ бы онъ ни былъ вліятеленъ, въ состояніи ихъ ниспровергнуть, если для такого ужаснаго переворота не имѣется налицо другихъ, болѣе глубокихъ, органическихъ причинъ въ строѣ самого общества? Обвинять отрицательную литературу во всѣхъ бѣдствіяхъ, не входя въ изслѣдованіе ея внутренней связи съ соціальными явленіями, конечно, легко; но именно писателю не слѣдовало бы забывать, что всякая литература такъ или иначе отражаетъ собою настроеніе общества, и что только тѣ произведенія могутъ оказывать на умы неотразимо сильное вліяніе, которыя отвѣчаютъ этому настроенію, выражаютъ его наиболѣе мѣтко и полно. Спрашивается: какое же *практическое* слѣдствіе можетъ быть выведено изъ басни Крылова? Она караетъ преступнаго сочинителя за предѣлами земного существованія; но если литература представляетъ собою такое опасное, обоюдоострое оружіе и можетъ приводить цѣлыя страны на край погибели, очевидно, что и на землѣ необходимо принимать мѣры къ огражденію общественнаго порядка отъ ея пагубнаго вліянія, т.-е., обуздывать и карать вредныхъ соблазнителей. Но при такомъ искорененіи плевеловъ не пострадаетъ ли и доброкачественная пшеница? Окажется ли литература въ состояніи выполнить свое дѣло служенія правдѣ и развитія общества? не окажется ли она иной разъ въ положеніи соловья, поющаго въ когтяхъ у кошки? Этотъ вопросъ остается открытымъ, и едва ли самъ Крыловъ сумѣлъ бы вполнѣ логически примирить противорѣчивые выводы, вытекающіе изъ его же двухъ произведеній („Кошка и Соловей“, „Сочинитель и Разбойникъ“). Какъ въ „Водолазахъ“, такъ и въ только что разобранной баснѣ указывается на опасность, грозящую отъ ложныхъ ученій, но вполнѣ игнори-

руется способность самого общества противостоять этимъ ученіямъ, если только они не коренятся въ явленіяхъ самого общественнаго строя, а также свойство научнаго знанія и литературы — самимъ обнаруживать и парализовать всякую вредную ложь, выступающую подъ ихъ флагомъ. Возможно, что Крыловъ вовсе не задавался вопросомъ о практическихъ выводахъ изъ его басни: поставивъ дѣло на чисто теоретическую почву, онъ хотѣлъ только выразить мысль, что злоупотребленіе словомъ, особенно печатнымъ, вліяніе котораго не ограничивается ни пространствомъ ни временемъ, можетъ принести бóльшій вредъ, чѣмъ открытый разбой; по тѣмъ же самымъ соображеніямъ на торжествѣ у Вельзевула змѣя, могущая жалить лишь вблизи, должна была уступить первенство клеветнику, язвящему издалека своимъ злымъ языкомъ, отъ котораго нельзя укрыться ни за горами ни за морями („Клеветникъ и Змѣя"). Но при этой параллели между сочинителемъ и разбойникомъ Крыловъ упустилъ, кажется, изъ виду, какъ это упускается нерѣдко, что борьба съ вредными идеями требуетъ для себя иного оружія, чѣмъ борьба съ грубыми преступленіями противъ жизни и собственности.

Мы остановились такъ долго надъ *Водолазами и Сочинителемъ и Разбойникомъ* потому, что эти басни затрогиваютъ вопросы старые, но вѣчно остающіеся новыми, далеко не утратившіе животрепещущаго интереса и для нашего времени, постоянно вызывающіе разномысліе и ожесточенные споры. Какъ Крыловъ рѣшаетъ эти вопросы, мы уже видѣли. Намъ остается еще отмѣтить басню *Безбожники*, правоученіе къ которой въ черновой рукописи поэта представляетъ любопытный варіантъ къ тексту печатныхъ изданій: изложивъ ту мысль, что стрѣлы дерзкихъ отрицателей, пущенныя на небо, рушатся на ихъ же головы, авторъ обращается къ тѣмъ, кому „Богъ вручилъ о царствахъ попеченье", съ увѣщаніемъ „любить ученье мудрости", ведущее людей къ добру, но бояться невѣрія, которое способно разорвать присягу, и родство, и дружбу, и упасть каменнымъ дождемъ на царство. Здѣсь опять возникаетъ вопросъ о способахъ огражденія человѣческихъ умовъ отъ невѣрія, — вопросъ неизбѣжный, потому что, если людскія стрѣлы и не опасны для неба, то хранители порядка на

землѣ не могутъ относиться равнодушно къ отрицанію, ведущему за собою разрушеніе всѣхъ основъ общежитія.

Аммонъ.

Административные и судебные нравы въ басняхъ Крылова.

Настоящую галлерею чисто русскихъ портретовъ мы находимъ въ басняхъ, рисующихъ современные автору административные и судебные нравы. Здѣсь полное торжество таланта Крылова, его главныя общественно-литературныя заслуги и права и безсмертіе. Сама жизнь, съ ея нелѣпыми противорѣчіями разумному идеалу, въ изобиліи преподносила матеріалъ для сатиры и вызывала смѣхъ сквозь невидимыя слезы. *Лисица* была судьею въ *курятникѣ; медвѣдь* выбранъ въ надсмотрщики надъ *пчелами; волкъ* просится въ *овечьи* старосты и получаетъ искомое мѣсто, благодаря тому, что „стараньемъ кумушки лисицы словцо о немъ замолвлено у львицы"; для соблюденія приличія созывается звѣринная сходка для опроса относительно нравственныхъ качествъ волка, — и только наиболѣе заинтересованныя въ дѣлѣ овцы отсутствуютъ на сходкѣ! Результаты такой системы ясны сами по себѣ: медвѣдь потаскалъ весь медъ въ свою берлогу и попалъ подъ судъ по всей формѣ, присуждающій его — пролежать всю зиму въ берлогѣ, гдѣ онъ, вполнѣ обезпеченный, можетъ спокойно „ждать у моря погоды". Лисица-судья „съ рыльцемъ въ пуху" также выгнана за взятки, но это не мѣшаетъ ей вынырнуть вновь въ качествѣ прокурора, согласно съ заключеніемъ котораго судьи, — два осла, двѣ старыя клячи да два иль три козла, — приговариваютъ къ *потопленію въ рѣкѣ* виновную *щуку,* поставлявшую, по слухамъ, рыбный столъ лисѣ-прокурору *(Лисица и Сурокъ, Медвѣдь у Пчелъ, Мірская сходка, Щука).* Та же самая или такая же лисица является и въ роли судьи по дѣлу крестьянина, обвиняющаго овцу въ съѣденіи куръ *(Крестьянинъ и Овца),* и изрекаетъ приговоръ „по совѣсти своей": „не принимая никакихъ резоновъ отъ овцы", казнить ее „и мясо въ судъ отдать, а

шкуру взять истцу". Эта басня, которую Бѣлинскій, какъ мы уже видѣли, призналъ едва ли не лучшею между всѣми баснями Крылова, дѣйствительно представляетъ собою неподражаемую сатиру на формальное кривосудіе, художественно-реальное и наглядное до осязательности воспроизведеніе старой судебно-канцелярской процедуры и подьяческаго стиля. Подвиги лисы этимъ еще не оканчиваются: она нанимается и на частную службу — охранять курятникъ крестьянина отъ своихъ же собратій — и благоденствуетъ на этой службѣ *(Крестьянинъ и Лисица)*; она же, по порученію льва, охотника до куръ, строитъ для нихъ помѣщеніе на славу, въ которое ни одинъ воръ не можетъ пробраться, и только для себя самой оставляетъ лазейку *(Лиса-Строитель)*. Лиса, по совѣту звѣрей, поставлена львомъ въ воеводы надъ рыбами и дѣлитъ свою прибыль съ кумомъ-мужичкомъ до тѣхъ поръ, пока левъ не изобличаетъ на мѣстѣ преступленія своего воеводы и его „главнаго секретаря" и не подвергаетъ ихъ заслуженной карѣ *(Рыбьи пляски)*. Однако извѣстно по рукописямъ, что эта басня сперва оканчивалась совершенно иначе, и только вмѣшательство цензуры заставило автора передѣлать ея финалъ въ смыслѣ наказанія порока... Любопытны также сохранившіяся въ черновыхъ спискахъ басни и опущенныя въ печатной редакціи подробности о томъ, что „въ царствѣ льва такъ развратились нравы, что безъ суда и безъ расправы, кто посильнѣй, тотъ слабаго давилъ", вслѣдствіе чего „все народный ропотъ" всякій день доходилъ до льва, и онъ уставалъ слушать прошенья и жалобы. Наконецъ, опять-таки лиса вмѣстѣ съ медвѣдемъ являются совѣтниками у льва, не взлюбившаго пестрыхъ овецъ и не знающаго, какъ отъ нихъ избавиться, и въ то время, какъ медвѣдь простодушно совѣтуетъ „безъ дальнихъ сборовъ" велѣть передушить непріятныхъ льву овецъ, лисица, не желая погибели невинныхъ, рекомендуетъ отвести имъ хорошія пастбища и приставить къ нимъ въ пастухи волковъ. Цѣль вполнѣ достигнута, и звѣри толкуютъ, что „левъ бы хорошъ, да все злодѣи волки!" Эта басня *(Пестрыя Овцы)*, какъ выше сказано, вовсе не была напечатана при жизни автора и стала извѣстна только въ 1867 г., появившись въ *Русскомъ Архивѣ*. Такое промедленіе едва ли объясняется случайными причинами, хотя

и трудно видѣть въ баснѣ намекъ на какое-нибудь дѣйствительное событіе того времени. Фабула и заключеніе ея напоминаютъ другое, позднѣйшее произведеніе Крылова: богачъ-скряга Миронъ, желая добиться доброй славы, объявляетъ, что будетъ кормить нищихъ по субботамъ, и точно, не запираетъ своихъ воротъ въ этотъ день, но зато спускаетъ съ цѣпи такихъ злыхъ собакъ, которыя вполнѣ ограждаютъ его отъ докучливыхъ посѣтителей *(Миронъ)*. Между тѣмъ всѣ говорятъ, что Миронъ радъ послѣднимъ подѣлиться, и только жалѣютъ, что до него трудно дойти, благодаря его злымъ собакамъ. Характерная иллюстрація къ наивности общественнаго мнѣнія!... Авторъ счелъ нужнымъ еще ближе пояснить свою мысль: „Видать случалось часто мнѣ, какъ доступъ не легокъ *въ высокія палаты,* да только все собаки виноваты, Мироны жъ сами въ сторонѣ". Въ одной изъ рукописныхъ редакцій читаемъ такой варіантъ: „Случалось *въ старину* — и то *едва ли не во снѣ* — *вельможу* видѣть мнѣ: нѣтъ доступа въ его палаты, но все *секретари* его въ томъ виноваты, а самъ онъ вѣчно въ сторонѣ". Къ числу такихъ вельможъ легко могъ принадлежать и тотъ персидскій сатрапъ, который попалъ въ рай за то, что за дѣла не принимался, а предоставилъ за слабостью здоровья всѣ дѣла секретарю, самъ же „пилъ, ѣлъ и спалъ да все подписывалъ, что онъ ни подавалъ" *(Вельможа)*. На этотъ разъ Крыловъ заявляетъ, что онъ уже не во снѣ и не въ старину, а наяву и не далѣе, какъ вчера, видѣлъ въ судѣ судью, имѣющаго всѣ шансы попасть въ рай по той же причинѣ, по какой попалъ туда и выведенный имъ въ баснѣ вельможа. Впрочемъ, признавая вполнѣ, что покойникъ „погубилъ бы цѣлый край", если бы, пользуясь данною ему властью, самъ вздумалъ заниматься дѣлами, мы должны предположить, что ему посчастливилось напасть на хорошаго секретаря, вслѣдствіе чего ввѣренный ему край не пострадалъ. Эта мысль о зависимости достоинства администраторовъ и судей отъ личныхъ качествъ приставленныхъ къ нимъ секретарей выражена въ одной изъ раннихъ басенъ Крылова *Оракулъ;* послѣдняя заключается такою моралью: „Я слышалъ — правда ль? — будто *встарь* судей такихъ видали, которые весьма умны бывали, пока у нихъ былъ умный секретарь". Даже въ такой серіозно-дидактической

баснѣ, какъ *Водолазы*, Крыловъ замѣчаетъ мимоходомъ, что иные изъ царскихъ совѣтниковъ подавали голосъ *работы секретарской*. При такой зависимости не всякій вельможа, не смыслящій толка въ дѣлахъ, окажется достойнымъ рая, хотя бы лично и не вмѣшивался ни во что: примѣромъ можетъ служить тотъ слонъ-воевода, который приходитъ въ негодованіе, узнавъ изъ поступившаго въ приказъ прошенія овецъ, что имъ нѣтъ житья отъ волковъ, а затѣмъ, удовольствовавшись объясненіемъ послѣднихъ, позволяетъ имъ взять съ овцы по шкуркѣ на тулупы въ видѣ оброка, „а больше ихъ (овецъ) не трогать волоскомъ" *(Слонъ на воеводствѣ)*. „Кто знатенъ и силенъ, да не уменъ, такъ худо, ежели и съ добрымъ сердцемъ онъ", заключаетъ Крыловъ по этому поводу, припоминая въ другомъ мѣстѣ „невѣждамъ не во гнѣвъ" старую истину, что, „если голова пуста, то головѣ ума не придадутъ мѣста" *(Парнассъ)*. Зато важный чинъ на *плутѣ*, по словамъ Крылова, „какъ звонóкъ: звукъ отъ него и громокъ, и далекъ" *(Оселъ)*, тогда какъ плутъ въ маломъ чинѣ „не такъ еще примѣтенъ". Въ указанной баснѣ этотъ звонóкъ имѣлъ весьма печальныя послѣдствія для его носителя, но что въ жизни это не общее правило, показываетъ самъ же Крыловъ въ другой баснѣ, изображая вороненка, вздумавшаго некстати подражать орлу въ похищеніи изъ стада барана, и замѣчая въ заключеніе своего разсказа: „Нерѣдко у людей то жъ самое бываетъ, коль мелкій плутъ большому плуту подражаетъ: чтò сходитъ съ рукъ *ворамъ*, за то *воришекъ* бьютъ" *(Вороненокъ)*. Правда, левъ поступилъ иначе, покаравъ волка, взявшаго примѣръ хищенія съ маленькой собачонки, простивъ послѣднюю въ виду ея молодости и глупости *(Левъ и Волкъ)*. Вопросъ объ отвѣтственности старшихъ за младшихъ, начальствующихъ за подчиненныхъ разсматривается Крыловымъ съ различныхъ сторонъ: крестьяне идутъ жаловаться рѣкѣ на разоренье отъ ручейковъ и мелкихъ рѣчекъ и видятъ, что половина ихъ расхищеннаго добра плыветъ по этой самой рѣкѣ: отсюда выводъ простой: „на младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ, гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ" *(Крестьяне и Рѣка)*. Здѣсь круговая порука въ дѣлѣ злоупотребленій; но такой солидарности можетъ и не быть при извѣстныхъ условіяхъ, какъ видно

изъ примѣра воеводы-слона. При недальновидности лицъ высшихъ иногда вполнѣ отсутствуетъ сознаніе собственной отвѣтственности за глупость или безчестность подчиненныхъ: мужикъ, приставившій осла стеречь свой огородъ, обвиняетъ потомъ въ убыткахъ не себя самого, а исключительно своего неудачнаго сторожа *(Оселъ и Мужикъ)*. Припомнимъ мысль, выраженную въ *Бритвахъ:* есть люди, предпочитающіе имѣть дѣло съ дураками, чѣмъ держать при себѣ умныхъ людей; но въ указанномъ случаѣ не видно, чтобы мужикъ, нанявшій осла въ сторожа, дѣйствовалъ сознательно, и приходится предположить, что и самъ наниматель не былъ умнѣе наемника. Такая солидарность тупоумія предполагается, какъ общее правило, волкомъ относительно пастуховъ: „гдѣ пастухъ дуракъ, тамъ и собаки дуры" *(Волкъ и Волчонокъ)*. Не умнѣе мужика, поручившаго ослу стеречь свой огородъ, или другого, которому Барбосъ нанялся за тройную плату исправлять всѣ работы по дому *(Крестьянинъ и Собака)*, оказался и тотъ поваръ, который оставилъ кота стеречь съѣстное отъ мышей, а затѣмъ, заставъ хищника на мѣстѣ преступленія, сталъ „тратить рѣчи по-пустому" вмѣсто того, чтобы „власть употребить" *(Котъ и Поваръ)*. Вотъ и еще налицо одно изъ тѣхъ нелѣпыхъ противорѣчій, которыми такъ изобилуетъ дѣйствительность: глупый, но честно исполнявшій свою службу оселъ наказанъ дубиною, а котъ, хитрый и сознательный воръ, остается безъ наказанія, — правда, на этотъ разъ благодаря лишь склонности своего хозяина къ резонерству, а не собственной изворотливости. Во всѣхъ приведенныхъ примѣрахъ мы видѣли или злоупотребленія подчиненныхъ отъ имени добраго, но глупаго воеводы *(Слонъ на воеводствѣ)*, или совмѣстное дѣйствіе старшихъ и младшихъ *(Крестьяне и Рѣка)*, или переложеніе отвѣтственности съ высшихъ на низшихъ *(Миронъ и Пестрыя Овцы)*, или, наконецъ, неумѣніе найти для дѣла подходящаго исполнителя *(Оселъ и Мужикъ)* и принять должныя мѣры противъ злоупотребленій *(Котъ и Поваръ)*. Но злоупотребленія нерѣдко исходятъ и непосредственно отъ самихъ старшихъ, совершенно независимо отъ подчиненныхъ, которымъ въ этомъ случаѣ остается только „лежать смирнехонько", подобно собакамъ, видящимъ, какъ пастухи потрошатъ лучшаго въ стадѣ барана. По адресу этихъ вол-

ковъ въ одеждѣ пастырей настоящій, явный волкъ дѣлаетъ справедливое замѣчаніе: „Какой бы шумъ вы всѣ здѣсь подняли, друзья, когда бы это сдѣлалъ я!“ *(Волкъ и Пастухъ)*. Итакъ, беззащитнымъ овцамъ подчасъ приходится плохо не отъ однихъ волковъ, а и отъ собственныхъ блюстителей: пастухъ Савва самъ ѣстъ барскихъ овецъ, сваливая вину на небывалаго волка *(Пастухъ)*; въ другомъ стадѣ для охраны овецъ отъ волковъ разведено столько собакъ, что онѣ сами подъ конецъ съѣли все стадо, потому что „и собакамъ надо жъ ѣсть“ *(Овцы и Собаки)*. Что же должно произойти, когда профессіональный хищникъ является въ роли офиціальнаго охранителя и правителя? Каково должно быть житье тѣхъ овецъ, къ которымъ въ старосты посаженъ волкъ, пчелъ, отданныхъ подъ присмотръ медвѣдя, куръ, подчиненныхъ администраціи лисицы?! Немудрено, что „олени, серны, козы, лани“ являются какъ разъ тѣми *мохнатыми* звѣрями, *почти не платящими дани*, съ которыхъ слѣдуетъ снять шерсть для мягкой постели состарѣвшемуся льву, по совѣту его вельможъ *(Левъ)*. Не много утѣшенія приноситъ овцамъ и благодѣтельный законъ, изданный спеціально для ихъ огражденія, въ силу коего овца имѣетъ право „всякаго волка, обижающаго ее, „не разбираючи лица, схватить за шиворотъ и въ судъ тотчасъ представитъ“ *(Волки и Овцы)*: есть условія, при которыхъ самыя благія намѣренія остаются только на бумагѣ... При изображеніи разнаго рода хищниковъ Крыловъ иногда касается ихъ психологіи, хотя бы съ какой-нибудь одной стороны: взяточники не любятъ узнавать себя въ сатирѣ и „украдкою киваютъ на Петра“ при чтеніи о взяткахъ *(Мартышка и Зеркало)*; крупный воръ искренно негодуетъ на мелкаго воришку, и *судья* Климычъ, у котораго стянули часишки, кричитъ на вора: „караулъ!“ *(Волкъ и Мышенокъ)*. Лисица оправдываетъ передъ крестьяниномъ свои воровскія наклонности нуждою, дѣтьми, примѣромъ другихъ, а затѣмъ, получивъ возможность добывать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ, продолжаетъ воровать попрежнему, изъ чего дѣлается выводъ, къ сожалѣнію, справедливый для весьма многихъ случаевъ, что „вору дай хоть милліонъ, онъ воровать не перестанетъ“ *(Крестьянинъ и Лисица)*. Не можемъ не отмѣтить еще прекрасной басни о ручьѣ, безобидномъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ не

сдѣлался многоводною рѣкою *(Ручей)*. Авторъ правъ тысячу разъ: много на свѣтѣ такихъ сладко журчащихъ ручейковъ, выражающихъ наилучшія намѣренія даже искренно, „лишь только оттого, что мало въ нихъ воды!“

Мы, конечно, далеко не обозрѣли всѣхъ басенъ Крылова, заключающихъ въ себѣ драгоцѣнные, мѣткіе намеки на окружающую жизнь съ ея уклоненіями отъ началъ справедливости и разума: такіе намеки разсѣяны даже мимоходомъ, вскользь, тамъ, гдѣ, повидимому, серіозность тона исключаетъ сатирическія выходки: въ *Сочинитель и Разбойникъ* дѣйствіе происходитъ въ загробномъ мірѣ, но и тутъ именно по этому поводу авторъ вставляетъ такое замѣчаніе: „Въ аду обрядъ судебный скоръ: нѣтъ проволочекъ безполезныхъ“. Также въ *Водолазахъ* для „разумниковъ“, созванныхъ царемъ на совѣтъ, разладъ въ голосахъ былъ настоящимъ кладомъ, и, если бы имъ волю дали, они бъ донынѣ толковали *да жалованье брали*“. А какія мѣткія сатиры представляютъ собою, напримѣръ, *Тришкинъ кафтанъ, Мельникъ, Мѣшокъ, Орелъ и Кротъ, Слонъ и Моська, Левъ на ловлѣ, Музыканты, Совѣтъ Мышей*, — это наглядное изложеніе кумовства, торжествующаго надъ всѣми правилами и постановленіями, — и т. д., и т. д. Припомнимъ кстати обрисованнаго Гоголемъ учителя Чичикова, ставившаго поведеніе превыше всѣхъ дарованій и способностей и не могшаго простить Крылову его афоризма: „по мнѣ, ужъ лучше пей, да дѣло разумѣй“ *(Музыканты)*; воззрѣнія этого просвѣтителя юношества, особенно въ его эпоху, во всякомъ случаѣ не были исключительно его достояніемъ, а раздѣлялись весьма многими; а въ чемъ иной разъ заключалось и заключается прекрасное поведеніе, доставляющее человѣку благополучіе, объ этомъ свидѣтельствуетъ примѣръ Жужу, кудрявой болонки, ходящей на заднихъ лапкахъ *(Двѣ Собаки)*. *Аммонъ.*

Историческія басни Крылова.

Волкъ на псарнѣ. Въ этой баснѣ, какъ извѣстно, Крыловъ представляетъ Наполеона въ Россіи. По словамъ Быстрова, „Крыловъ, собственною рукою переписавъ басню

„Волкъ на псарнѣ“, отдалъ ее княгинѣ Катеринѣ Ильиничнѣ, а она при своемъ письмѣ отправила ее къ свѣтлѣйшему своему супругу“[1]), который прочиталъ ее, послѣ сраженія подъ Краснымъ собравшимся вкругъ него офицерамъ и при словахъ: „а я пріятель сѣдъ“, снялъ свою бѣлую фуражку и потрясъ наклоненною головою.

Первая мысль этой басни, какъ видно:

И волчьей клятвой утверждаю,
Что я... „Послушай-ка сосѣдъ“,
Тутъ ловчій перервалъ *и проч.*

могла явиться у Крылова по полученіи извѣстія о попыткахъ Наполеона вступить въ переговоры, т.-е. послѣ 23-го сентября (день свиданія Кутузова съ Лористономъ). Послѣдняя же редакція могла составиться не ранѣе, какъ послѣ тарутинскаго сраженія, бывшаго 6-го октября, потому что до того времени, отъ самаго выступленія нашихъ войскъ изъ Москвы, кромѣ ничтожныхъ стычекъ, не было предпринято никакихъ дѣйствій, которыя бы могли служить Кры-

---

[1]) Приводимъ вполнѣ разсказъ Быстрова, имѣющій интересъ независимо отъ этой басни. „Иванъ Андреевичъ, какъ и всякій великій геній, былъ необыкновенно скроменъ. Въ 39 № „Литературныхъ прибавленій къ Русскому Инвалиду“ на 1837 г., въ повѣсти, подъ названіемъ: „Преобразованіе“, разсказанъ былъ весьма любопытный анекдотъ изъ незабвенной эпохи 1812 г. Вотъ онъ: „Наполеонъ послѣ Бородинскаго отпора пошелъ ощупью верстъ 15 въ сутки и какъ бы ожидалъ другой битвы, столь же страшной и гибельной, какъ первая. Наши молодые воины также требовали сей битвы и дерзали укорять великаго тактика въ старости, нерѣшительности, а иные близорукіе называли его просто трусомъ“. Далѣе авторъ говоритъ, что Иванъ Андреевичъ Крыловъ, живучи въ С.-Петербургѣ, проникъ думу Кутузова и прислалъ ему свою басню „Волкъ на псарнѣ“. Кутузовъ, зная ропотъ нетерпѣливой молодежи, призвалъ къ себѣ юныхъ героевъ и прочиталъ имъ басню. Смыслъ басни пояснилъ многимъ то, чего они прежде не понимали, и съ той поры, возложивъ надежду на Бога и опытность сѣдого ловчаго, наши богатыри выжидали въ тарутинскомъ лагерѣ перваго сигнала къ битвѣ и побѣдѣ“.

„Когда я прочелъ это мѣсто Ивану Андреевичу, — продолжаетъ Быстровъ, — то онъ нахмурился и сказалъ: „Все это вздоръ... Я не Богъ... Возможно ли, чтобъ я, частный человѣкъ, ни дипломатъ ни военный, напередъ зналъ, что сдѣлаетъ Кутузовъ?... Смѣшно... Да и гдѣ Кутузовъ читалъ басню? Не въ тарутинскомъ же лагерѣ, а послѣ... Скажите, мой милый, въ какомъ-нибудь журналѣ, что все это было не такъ“. На другой день я отнесъ къ А. Ѳ. Воейкову составленныя мною примѣчанія къ баснѣ Ивана Андр. Крылова „Волкъ на псарнѣ“, которыя и были напечатаны въ „Русскомъ Инвалидѣ“. Въ этихъ примѣчаніяхъ Быстровъ разсказываетъ происшествіе, какъ оно было.

лову основаніемъ сказать: „И тутъ же выпустилъ на волка гончихъ стаю“.

Общій планъ военныхъ дѣйствій, сообщенный Кутузову изъ Петербурга еще въ началѣ сентября, заключался въ томъ, чтобы дѣйствовать въ тылъ Наполеону, затрудняя отступленіе. Князь Волконскій, посланный для полученія отъ Кутузова объясненія его дѣйствій, доносилъ государю: „Смѣло можно увѣрить, что Наполеону трудно будетъ выбраться изъ Россіи („Полн. собр. соч.“ Мих.-Данилевскаго, т. V, стр. 14). На это Крыловъ намекаетъ стихами:

...Друзья, къ чему весь этотъ шумъ...
Что я...

Рѣчь попавшаго въ безвыходное положеніе волка довольно близка къ тѣмъ выраженіямъ, въ которыхъ раздраженный Наполеонъ высказывалъ свое желаніе мириться: „Пора положить предѣлъ кровопролитію,—говорилъ онъ Яковлеву.— Намъ съ вами легко поладить... Мнѣ нечего у васъ дѣлать; я не требую отъ васъ ничего, кромѣ исполненія Тильзитскаго договора... Я готовъ возвратиться...“ Столь же интересны въ этомъ отношеніи и слова Лористона, приведенныя Кутузовымъ въ донесеніи государю: „Государь мой искренно желаетъ положить предѣлъ несогласіямъ между двумя великими народами, и положить его навсегда“. Въ письмѣ, посланномъ черезъ Яковлева, Наполеонъ не преминулъ напомнить о прежнихъ чувствахъ къ нему Александра: „Если ваше величество хотя отчасти сохраняете ко мнѣ прежнія чувствованія...“ *и проч.*

Ты сѣръ, а я, пріятель, сѣдъ.

Этотъ стихъ показываетъ, что Крыловъ въ своемъ ловчемъ цѣнилъ преимущественно и даже исключительно хитрость. Такой взглядъ баснописца на главнокомандующаго вполнѣ оправдывается многими историческими данными. Передъ отъѣздомъ Кутузова въ армію, одинъ изъ его родственниковъ имѣлъ нескромность спросить: „Неужели вы, дядюшка, надѣетесь разбить Наполеона?“ — Кутузовъ отвѣчалъ: „Нѣтъ! А обмануть надѣюсь“. Почти то же самое сказалъ онъ во время — тарутинской стоянки: „Разбить меня можетъ Напо-

леонъ, а обмануть — никогда". Суворовъ, подъ начальствомъ котораго Кутузовъ пріобрѣлъ извѣстность и заслужилъ расположеніе императрицы Екатерины, говаривалъ о немъ: „уменъ, очень уменъ; его и Рибасъ не обманетъ". Въ такомъ же смыслѣ отзывается о немъ и Вильсонъ въ своихъ „Запискахъ": „Bon vivant, утонченно образованный, вѣжливый, хитрый, какъ грекъ, смѣтливый отъ природы, какъ азіатецъ, и просвѣщенный, какъ европеецъ, онъ болѣе былъ склоненъ расчитывать на успѣхъ отъ своей дипломатіи, чѣмъ отъ военной отваги..."

Обозъ. Цѣль басни — оправдать медлительность дѣйствій Кутузова. Оставленіе въ рукахъ непріятеля Москвы безъ боя, истребленіе ея и вслѣдъ за тѣмъ бездѣйствіе главнокомандующаго — должно было неминуемо возбудить ропотъ и горькія нареканія. Всѣ желали рѣшительнаго боя, ждали его подъ стѣнами Москвы; а между тѣмъ Кутузовъ, никому не открывая своего плана истребленія арміи Наполеона, спокойно и настойчиво приводилъ его въ исполненіе — старался ослабить врага, уклоняясь отъ рѣшительной развязки. Весьма естественно, что общественное мнѣніе вооружилось теперь противъ него, какъ за полтора мѣсяца передъ тѣмъ противъ Барклая-де-Толли. Самъ императоръ поставлялъ ему въ вину то, что онъ не далъ вторичнаго сраженія подъ Москвою. Слѣдствіемъ этого былъ рескриптъ на имя главнокомандующаго, полученный имъ за нѣсколько дней до тарутинскаго сраженія. Приводимъ окончаніе его, прямо относящееся къ нашему предмету: „...казалось, что, пользуясь сими обстоятельствами (раздробленностію силъ Наполеона), могли бы вы съ выгодою атаковать непріятеля слабѣе васъ и истребить онаго, или, по меньшей мѣрѣ, заставя его отступить, сохранить въ нашихъ рукахъ знатную часть губерній, нынѣ непріятелемъ занимаемыхъ, и тѣмъ самымъ отвратить опасность отъ Тулы и прочихъ внутреннихъ городовъ. На вашей отвѣтственности останется, если непріятель въ состояніи будетъ отрядить значительный корпусъ на Петербургъ... ибо, съ ввѣренной вамъ арміей *дѣйствуя съ рѣшительностію и дѣятельностію*, вы еще обязаны отвѣтомъ оскорбленному отечеству въ потерѣ Москвы... Я и Россія въ правѣ ожидать съ вашей стороны всего *усердія, твердости и успѣховъ*"

и проч. Но Кутузовъ, сравненный въ баснѣ съ добрымъ конемъ, который понесъ на крестцѣ свой возъ, не измѣнилъ своего плана, несмотря ни на упреки ни на порывы своихъ сподвижниковъ.

Ворона и Курица. Первыя извѣстія о бѣдственномъ состояніи арміи Наполеона могли достигнуть Петербурга не раньше, какъ въ концѣ сентября. Въ „Сынѣ Отечества“ находимъ слѣдующую замѣтку: „Очевидцы разсказываютъ, что въ Москвѣ французы ежедневно ходили на охоту стрѣлять воронъ и не могли нахвалиться своимъ soupe aux corbeaux. Теперь можно дать отставку старинной русской пословицѣ: „попалъ, какъ куръ во щи“, а лучше говорить: „попалъ, какъ ворона во французскій супъ“. Къ тому же времени относится и карикатура Ивана Теребенева, *Французскій вороній супъ,* гдѣ представлены четыре французскіе гренадера въ оборванныхъ мундирахъ, расположившіеся въ полѣ: посреди картины стоитъ гренадеръ, раненый въ ногу, которая у него совершенно босая, и отрываетъ у вороны крылья; съ одной стороны, стоя на колѣняхъ на камнѣ, товарищъ схватился за воронью ножку и, судя по разинутому рту, готовъ ее проглотить; не менѣе сильный аппетитъ выражается въ фигурѣ третьяго, сидящаго по другую сторону; позади ихъ лежитъ четвертый, обнимающій обѣими руками пустой котелъ. Подъ карикатурою находится слѣдующее четверостишіе:

Бѣда намъ съ нашимъ великимъ Наполеономъ!
Кормилъ насъ въ походѣ изъ костей бульономъ.
Въ Москвѣ попировать свистѣлъ у насъ зубъ:
Не тутъ-то, похлебаемъ же хоть вороній супъ![1])

Можетъ-быть, тогда же и явилась у Крылова первая мысль этой басни; но окончательно редактирована она могла

[1]) Карикатуру И. Теребенева см. въ собраніи карикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ въ библіотекѣ Имп. Академіи Наукъ. Подобная же картинка приложена къ этой баснѣ въ изданія Смирдина: „Басни Ивана Крылова“, 1834 г. (часть I, кн. I, стр. 9): къ тремъ солдатамъ, расположившимся у треножника, на которомъ виситъ котелъ, подходитъ четвертый съ пучкомъ хворосту въ одной рукѣ и вороною въ другой; въ его лицѣ и фигурѣ виденъ оттѣнокъ торжества, а въ лицахъ сидящихъ его товарищей — удовольствіе, вызванное мыслью о предстоящей трапезѣ.

быть только въ ноябрѣ: князь Кутузовъ, названный въ баснѣ Смоленскимъ, получилъ этотъ титулъ послѣ дѣла подъ Краснымъ, окончившагося 6-го ноября.

Какъ голодомъ морить Смоленскій сталъ гостей.

Кутузовъ, дѣйствительно, считалъ голодъ однимъ изъ рѣшительнѣйшихъ средствъ въ борьбѣ съ Наполеономъ. По окончаніи совѣта въ Филяхъ, на вопросъ полковника Шнейдера: „Гдѣ мы остановимся?" фельдмаршалъ отвѣчалъ: „Это мое дѣло; но ужъ доведу я проклятыхъ французовъ, какъ въ прошломъ году турокъ, до того, что они будутъ ѣсть лошадиное мясо". Къ этой цѣли Кутузовъ, кажется, направлялъ дѣйствія партизанскихъ отрядовъ.

Такъ часто человѣкъ въ расчетахъ слѣпъ и глупъ...
Попался, какъ ворона въ супъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта ворона, погнавшаяся за лакомымъ кускомъ, въ увѣренности, что „воронъ ни жарятъ ни варятъ",— Наполеонъ, увѣренный въ своей непобѣдимости, погнавшійся за счастіемъ, но обманувшійся въ расчетѣ. Его неудача въ Россіи внушила нашему поэту стихи, составляющіе нравоученіе басни.

Щука и Котъ. Поводомъ къ сочиненію этой басни была извѣстная неудача адмирала Чичагова, который долженъ былъ пресѣчь путь Наполеону черезъ Березину. „Нельзя изобразить общаго на него негодованія, — пишетъ Вигель: — всѣ состоянія подозрѣвали его въ измѣнѣ, снисходительнѣйшіе кляли его неискусство, и Крыловъ написалъ басню о пирожникѣ, который берется шить сапоги, т.-е. о морякѣ, начальствующемъ надъ сухопутнымъ войскомъ". Въ современной карикатурѣ[1]) сохранилось весьма опредѣленное выраженіе того убѣжденія, что Чичаговъ преднамѣренно укло-

---

1) Эта карикатура находится въ сборникѣ карикатуръ, относящихся къ Отечественной войнѣ, подаренномъ П. Л. Лавровымъ Императорской Публичной библіотекѣ. Сборникъ состоитъ изъ 53 каррикатуръ; изъ нихъ 15 Ивана Теребенева, 5 подписаны буквами И. И. (Ивановъ?) и 33 безъ подписи; къ числу послѣднихъ относится и та, о которой здѣсь идетъ рѣчь. Мы слышали, будто существовала другая карикатура такого содержанія: Кутузовъ съ великимъ усиліемъ затягиваетъ мѣшокъ, а Чичаговъ съ другого конца перочиннымъ

нился отъ общаго плана. Въ ней Кутузовъ скачетъ на конѣ и тянетъ одинъ конецъ сѣти, въ которую долженъ попасть Наполеонъ; а на другомъ концѣ ея Чичаговъ, сидящій на якорѣ, восклицаетъ: je le sauve! и Наполеонъ въ видѣ зайца проскальзываетъ за его спиною. То же убѣжденіе выразилось и въ слѣдующей эпиграммѣ, найденной Я. К. Гротомъ въ бумагахъ Державина.

Смоленскій князь Кутузовъ
Продерзостныхъ французовъ
И гналъ и билъ,
И, наконецъ, имъ гибельну онъ сѣть связалъ;
Но земноводный генералъ
Приползъ,— да и всю распустилъ.

Характеризуя его, какъ человѣка, Вигель говоритъ, что „въ душѣ онъ былъ англичанинъ, учился въ Англіи мореплаванію и былъ женатъ на англичанкѣ; что съ суровостью моряка онъ соединялъ надменность англичанина, и это сдѣлало его ненавистнымъ для русскихъ; послѣдній же его подвигъ (защита Березины) заставилъ ихъ всѣхъ презирать его“. „Да и не могло быть иначе,— пишетъ ген. Богдановичъ, князь Кутузовъ, освободитель Россіи отъ нашествія Наполеона и его полчищъ, Витгенштейнъ, защитникъ нашей сѣверной столицы... оба они стояли такъ высоко въ общемъ мнѣніи, что никто не смѣлъ усомниться въ безошибочности ихъ дѣйствій... Общему порицанію подвергся Чичаговъ, потому что, во-1-хъ, положеніе, занимаемое его арміею, давало ему наиболѣе возможности преградить путь Наполеону; во-2-хъ, потому, что, командуя въ Отечественную войну впервые сухопутными силами, онъ еще не успѣлъ заслужить славы искуснаго военачальника. Къ тому же онъ сдѣлалъ важную ошибку, уклонясь отъ направленія, по которому отступала Наполеонова армія“. Этимъ общимъ мнѣніемъ, котораго не раздѣлять Крыловъ не имѣлъ причины, можетъ быть объяснена рѣзкость выраженій во вступленіи и заключеніи басни.

И крысы хвостъ у ней отъѣли.

ножикомъ разрѣзываетъ этотъ мѣшокъ и выпускаетъ изъ него маленькихъ французскихъ солдатиковъ. Къ сожалѣнію, всѣ наши старанія отыскать ее остались тщетны.

Въ этомъ стихѣ заключается намекъ на неудачное отступленіе войскъ Чичагова отъ Борисова на правую сторону Березины; при этомъ были потеряны многіе изъ полковыхъ обозовъ, канцелярія главнокомандующаго, большая часть экипажей и въ томъ числѣ фургонъ со столовымъ сервизомъ Чичагова и всѣ наши раненые и больные, изъ коихъ нѣкоторые погибли отъ пожара, опустошившаго городъ.

Кеневичъ.

Басни Крылова, устанавливающія согласіе между отдѣльными группами государства.

Обращая свое заботливое вниманіе на устройство семьи, на установленіе единства и согласія, естественныхъ и разумныхъ отношеній между ея членами, Крыловъ не упускалъ изъ виду и обширной семьи — государства, со свойственной ему простотой и убѣдительностію доказывая въ своихъ басняхъ необходимость и въ немъ той же гармоніи, тѣхъ же естественныхъ и разумныхъ отношеній между всѣми его членами. Высказывая въ своей превосходной баснѣ *Воспитаніе Льва* высокую истину, что важнѣйшая наука для царей: „знать свойства своего народа и выгоды земли своей", — въ другой баснѣ *Василекъ,* отличающейся еще бо́льшими поэтическими достоинствами, неподражаемой по простотѣ изящества, необыкновенной нѣжности и мягкости красокъ, онъ указываетъ на высокую задачу царя въ слѣдующихъ превосходныхъ стихахъ:

О вы, кому въ удѣлъ судьбою данъ
Высокій санъ,
Вы съ солнца моего примѣръ берите!
Смотрите:
Куда лишь лучъ его достанетъ, тамъ оно —
Былинкѣ ль, кедру ли — благотворитъ равно,
И радость по себѣ и счастье оставляетъ;
Зато и видъ его горитъ во всѣхъ сердцахъ —
Какъ чистый лучъ въ восточныхъ хрусталяхъ,
И все его благословляетъ.

Мысль о гармоническомъ, естественномъ и разумномъ отношеніи между всѣми группами, составляющими государ-

ство, что „держава всякая сильна, когда устроены въ ней всѣ премудро части“, развита въ баснѣ *Пушки и Паруса,* исполненной поэтическихъ картинъ. Написанная въ 1829 году, она указываетъ на ложность господствовавшаго у насъ прежде съ особенной силой убѣжденія въ превосходствѣ пушекъ, военной службы предъ парусами, „этимъ ничтожнымъ холстиннымъ твореньемъ“, т.-е. гражданской или, точнѣе, всякой другой службы. Развитію той же мысли о необходимости гармоніи между всѣми государственными сословіями посвящена Крыловымъ другая прекрасная басня: *Листы и Корни,* гдѣ доказывается простая истина, что корень въ государствѣ — въ народѣ, и что для жизненныхъ отправленій государства необходимы высшія сословія; живутъ и цвѣтутъ они до тѣхъ поръ, „пока не изсушится корень“. Съ другой стороны, *Конь и Всадникъ* подтверждаетъ столь же простую истину, что для народа необходима разумная мѣра свободы; такъ, конь ретивый, безъ узды, сбросившій сѣдока и самъ „въ оврагъ со всѣхъ махнувшій ногъ“, обличаетъ глубокую думу Крылова надъ свѣжими историческими явленіями.

Установляя согласіе между отдѣльными группами государства, онъ даетъ въ то же время практическій совѣтъ держаться крѣпко каждому своего и не выдавать Матрены за барона, чтобы не вышла Матрена ни пава ни ворона *(Ворона);* совѣтуетъ селянину, солдату или гражданину (т.-е. горожанину) не роптать, „кой съ кѣмъ свое сличая состоянье“, потому что и эти *кой-кто* не безъ дѣла для нихъ же *(Колосъ).* Не щадитъ онъ и власти, безъ дѣла и пользы живущей и заѣдающей чужой трудъ. Въ одной изъ послѣднихъ басенъ: *Вельможа* — судья въ жилищѣ тѣней тотчасъ отправляетъ въ рай вельможу, который на службѣ только „пилъ, ѣлъ и спалъ, да все подписывалъ, что секретарь ни подавалъ“, и слѣдующимъ образомъ объясняетъ свой приговоръ Меркурію, который даже вскрикнулъ отъ изумленія, забывши всю учтивость:

Что если бы съ такою властью
Взялся онъ за дѣла, къ несчастью,—
Вѣдь погубилъ бы цѣлый край!

Въ баснѣ *Орелъ и Паукъ* онъ обличаетъ тѣхъ, „кои безъ ума и даже безъ трудовъ тащатся вверхъ, держась за хвостъ

вельможи“; или тѣхъ, которые составляютъ свое счастье „лишь тѣмъ, что хорошо на заднихъ лапкахъ ходятъ“ *(Двѣ Собаки);* тѣхъ, которые судятъ объ умѣ „по платью иль по бородѣ“, тянутъ по службѣ вверхъ людей безъ ума, какъ крысу безъ хвоста, лишь потому, что эта крыса имъ кума; тѣхъ, которые хвалятся, что ихъ предки Римъ спасли *(Гуси),* или что прослужили безъ проку сорокъ лѣтъ и лежали какъ камень на полѣ — тихо, скромно, смирнехонько *(Камень и Червякъ)!* Въ баснѣ *Паукъ и Пчела* Крыловъ вооружается рѣзкою сатирою противъ тѣхъ, кто, какъ завистливый паукъ, „засѣлъ надувшись спесиво, за трудъ, въ которомъ свѣту пользы нѣтъ“, который не одѣваетъ и не грѣетъ; въ баснѣ *Бѣлка* противъ пустыхъ дѣльцовъ, которые суетятся день и ночь безъ толку, какъ бѣлка въ колесѣ; въ баснѣ *Пчела и Муха* противъ тѣхъ безполезныхъ гражданъ, которыхъ на родинѣ, какъ мухъ, вездѣ гоняютъ изъ гостей и которые летятъ въ чужіе края, потому что тамъ никому ихъ праздность не досадна; въ баснѣ *Похороны* — противъ безполезныхъ богачей, „которыхъ смерть одна къ чему-нибудь годна“.

Лавровскій.

Басни Крылова, поучающія правиламъ обычной житейской мудрости.

Трудно перечислить тѣ басни, въ которыхъ Крыловъ даетъ намъ правила обычной житейской мудрости, практическіе совѣты, или въ которыхъ просто выражаются отдѣльные частные случаи. Ихъ много и всѣ онѣ такъ извѣстны, что перечислять ихъ значило бы злоупотреблять вниманіемъ. Приглядимся ли къ нашей обычной разладицѣ въ житейскихъ дѣлахъ, мы непремѣнно вспомнимъ басню *Лебедь, Щука и Ракъ;* прислушаемся ли къ нашимъ безполезнымъ рѣчамъ, расточаемымъ часто попусту тамъ, гдѣ нужно дѣло, нашему воображенію тотчасъ представится *рыцарь,* ораторствующій передъ лошадью, или *поваръ,* передъ *котомъ,* спокойно убирающимъ курчонка. Наши пустыя и часто вредныя затѣи напомнятъ намъ *механика;* наша охота браться за дѣло не подъ силу — *Скворца,* задумавшаго пѣть соловьемъ; наше „авось, успѣю“ — *Мельника;* наша привычка сваливать вину

на другого — *напраслину*. Нашъ близорукій и тревожный взглядъ на дѣло, представляющій со всѣхъ сторонъ мнимыя опасности, наша охота бить попусту въ набатъ, какъ часто бываетъ и теперь, изображены Крыловымъ въ прекрасной баснѣ „Мыши"; наша привычка, отъ которой мы еще не можемъ отстать — судить и рядить, что̀ и какъ за моремъ, а у себя подъ носомъ не видѣть, изобличается въ столь же прекрасной баснѣ — *Три мужика* и т. д. Въ какіе прекрасные поэтическіе образы облекаются въ басняхъ Крылова самыя простыя истины: быть терпѣливымъ въ трудѣ *(Трудолюбивый Медвѣдь)*, не обольщаться обманчивой надеждой *(Пастухъ и Море)*, не браться за нѣсколько дѣлъ разомъ *(Крестьянинъ и Собака)*, не пренебрегать совѣтомъ, не разсмотрѣвъ его *(Орелъ и Кротъ, Левъ и Мышь)*, какой прекрасный памятникъ въ баснѣ *Орелъ и Пчела* безвѣстному, но честному труду и т. д. А *Тришкинъ кафтанъ* и *Демьянова уха*, смерть, явившаяся на зовъ мужика, муха, вытягивающая въ гору возъ, медвѣжья услуга?... сколько картинъ, прелестныхъ и затѣйливыхъ поэтическихъ о́бразовъ возбуждаютъ они въ нашемъ воображеніи! Цѣлыя басни иногда посвящаются Крыловымъ переложенію въ тѣ же поэтическіе образы народныхъ пословицъ: изъ огня да въ полымя *(Госпожа и двѣ служанки)*, у страха глаза велики *(Мышь и Крыса)*, не смѣйся чужой бѣдѣ *(Чижъ и Голубь)* и др. Извѣстно, что Крыловъ терпѣть не могъ въ литературѣ ни излишней, льстивой похвалы ни бранчивой и придирчивой критики, „лишнія хвалы считаю за отраву", замѣтилъ онъ, между прочимъ, въ баснѣ *Муравей*. Относительно же наклонности къ осужденію и порицанію, которой такъ легко поддается человѣкъ, онъ руководился старою, но вѣрною истиною, высказанною имъ въ баснѣ *Обозъ:*

Все кажется въ другомъ ошибкой намъ;
А примешься за дѣло самъ,
Такъ напроказишь вдвое хуже.

Критикамъ и цѣнителямъ этого рода онъ посвятилъ нѣсколько прекрасныхъ басенъ: ихъ онъ выводитъ и въ бросающихся на прохожихъ *собакахъ*, которыя, впрочемъ, „полаютъ, да отстанутъ"; въ *ослѣ*, отозвавшемся съ такимъ знаніемъ дѣла о пѣніи *соловья;* въ *моськѣ*, лающей на

слона; въ *грязномъ голикѣ,* развозившемся по барскому платью; въ *свиньѣ,* роющейся въ навозѣ и сорѣ на заднемъ дворѣ богача. Не любилъ онъ также дешевой и пристрастной критики литературныхъ партій и кружковъ, когда *кукушка* хвалитъ пѣтуха за то, что хвалитъ онъ кукушку; когда бранятъ другихъ только потому, что эти другіе „не нашего прихода" *(Прихожанинъ).* Но о критикѣ серіозной, основательной и благонамѣренной Крыловъ всегда отзывается съ уваженіемъ и вѣрилъ въ ту пользу, которую она приноситъ истиннымъ талантамъ, которымъ нечего бояться такой критики:

Таланты истинны за критику не злятся:
Ихъ повредить она не можетъ красоты;
Одни поддѣльные цвѣты
Дождя боятся.

Лавровскій.

Басня Крылова, какъ воплотительница ума и народной мудрости.

Между родами поэзіи, перешедшими на русскую почву съ Запада въ XVIII столѣтіи, *басня* всѣхъ болѣе полюбилась нашимъ писателямъ. Не было почти ни одного русскаго поэта, который бы не писалъ между прочимъ басенъ. Въ числѣ неизданныхъ сочиненій Державина отыскалось до 25 пьесъ этого рода. Жуковскій и Батюшковъ также испытывали себя въ баснѣ. Успѣхъ Крылова вызвалъ несчетное множество новыхъ баснописцевъ, которые, однакожъ, давно забыты. Правда, что и въ другихъ литературахъ, послѣ счастливаго примѣра, поданнаго Лафонтеномъ, басня, по своей видимой легкости, привлекала множество писателей; но нигдѣ ей такъ не посчастливилось, какъ въ Россіи; нигдѣ не получила она такого глубокаго національнаго значенія. Изъ всѣхъ родовъ поэзіи въ русской литературѣ, до сихъ поръ только басня, благодаря Крылову, сдѣлалась въ полной мѣрѣ органомъ народности и по духу и по языку. Причины такого явленія должно искать въ томъ, что басня и по сущности своей и по формѣ особенно соотвѣтствуетъ свойствамъ

народнаго духа. Для нея именно нуженъ и практическій смыслъ, и простодушная замысловатость, и охота объясняться притчами и пословицами, которыя такъ преобладаютъ въ русскомъ народѣ. Если самъ Крыловъ едва не до сорокалѣтняго возраста удерживался отъ художественной басни, то это можно объяснить только его сильнымъ сатирическимъ талантомъ, который долго искалъ себѣ болѣе прямого и открытаго выраженія. Это преобладающее свойство его духа придало и баснямъ его особенное значеніе. Какъ скоро оказалось, что только въ формѣ басни для него возможно вполнѣ успѣшное сочетаніе художественнаго дарованія съ проявленіемъ глубоко-сатирическаго ума, то онъ не могъ не предпочесть ее всякой другой формѣ поэзіи. Изъ всѣхъ русскихъ писателей у одного Крылова соединились въ высшей мѣрѣ тѣ условія, которыя могутъ сообщить баснѣ истинно-глубокое содержаніе. У другихъ писателей басня почти всегда только словесная игрушка; у него она дѣло, полное жизни и значенія. Но потому-то Крыловъ, давъ ей все то развитіе, къ какому она способна на русской почвѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ надолго заградилъ всѣмъ дорогу на этомъ поприщѣ. Ни одинъ русскій писатель не отважится въ скоромъ времени итти по его слѣдамъ.

Говорятъ, что басня есть форма поэзіи, слишкомъ тѣсная для фантазіи и въ наше время устарѣлая; но эта форма пришлась по уму и нраву Крылова, что именно въ ней было ему всего привольнѣе, и только въ ней онъ могъ проявить свой художественно-сатирическій талантъ во всей его силѣ и полномъ блескѣ. Тѣмъ изумительнѣе этотъ талантъ, если онъ въ сухую, повидимому, форму сумѣлъ вложить такъ много жизни и поэзіи, что въ первый разъ представилъ образцы народнаго искусства въ словѣ. Названіе *баснописца,* дѣйствительно, не довольно почетно для Крылова. Онъ выше своего рода и доказалъ, что не мѣсто краситъ человѣка, а наоборотъ. Его басня многозначительна, не какъ басня, а какъ созданіе, въ которомъ художественно воплотился умъ и опытная мудрость цѣлаго народа. Какъ ни высоко нравоописательное и нравоучительное значеніе произведеній Крылова, одного этого достоинства было бы недостаточно, чтобъ доставить имъ безсмертіе: для этого къ нему должны присоединиться эстетическая красота и отра-

женіе народнаго духа. Крыловъ-человѣкъ могъ имѣть, конечно, свои несовершенства въ частной жизни; но *тотъ человѣкъ*, который является въ его басняхъ, есть высокій мудрецъ, исполненный правилъ чести и добродѣтели, гонитель всякой лжи и низости, защитникъ науки и мысли противъ невѣжества и глупости, наконецъ, наставникъ современниковъ и потомства. *Гротъ.*

Педагогическое значеніе басенъ Крылова.

Художественныя достоинства басенъ Крылова придаютъ имъ важное значеніе и въ педагогическомъ отношеніи. Какъ образцовыя въ своемъ родѣ произведенія поэзіи, его басни преимущественно полезны по своему образовательному вліянію на дѣтей. Въ его баснѣ, исполненой жизни и драматизма, дитя начинаетъ знакомиться съ человѣческою жизнію, съ ея доблестями и немощами, и развиваетъ въ себѣ живой смыслъ и живое слово. Но мы не можемъ не коснуться еще двухъ сторонъ въ благотворномъ вліяніи басни, отличающейся такими совершенствами, какъ басни Крылова; одна изъ нихъ теоретическая, другая — практическая.

Изображая въ иносказаніяхъ человѣческій міръ, басня начинаетъ возбуждать въ человѣкѣ ту ему одному только свойственную производительную дѣятельность воображенія, въ которой выражается общее стремленіе человѣка къ непрерывному обновленію и совершенствованію своей дѣйствительности. Въ баснѣ — узелъ, связующій забаву съ серіозными созданіями мысли и представленія, и потому, самая эта забава представленіями уже заключаетъ въ себѣ глубокій и серіозный смыслъ. Низшія животныя знаютъ только забаву тѣлодвиженій, но не представленій; одинъ человѣкъ, съ первыхъ дней младенческаго сознанія, начинаетъ любоваться созданіями представленія и гармоніею въ ихъ сочетаніяхъ. Въ этомъ наслажденіи первый проблескъ будущихъ идеаловъ, непрерывно движущихъ и совершенствующихъ и внутреннюю и внѣшнюю жизнь человѣка.

Не менѣе важно и практическое или нравственное значеніе образцовой басни. Таково свойство нашей психической жизни, что общее правило или нравственное требованіе,

особенно на первыхъ порахъ, скорѣе получаетъ въ насъ дѣятельную силу подъ вліяніемъ мысли, перешедшей въ дѣло, или представленной въ самомъ фактѣ и дѣлѣ. Даже мышцы своего слова дитя складываетъ для разговора не потому, что оно узнаетъ сперва правила, какъ ихъ складывать, но потому, что внутренній инстинктъ слова, съ соотвѣтственнымъ ему движеніемъ мышцъ, самъ собою пробуждается при видѣ бесѣдующихъ съ нимъ людей. Только позже, на степени высшей душевной зрѣлости, и отвлеченно-сознанная мысль удобно переходитъ въ дѣло и преобразуетъ самую жизнь. Басня, какъ и многія другія художественныя произведенія слова, изображая людскіе недостатки въ непосредственномъ единствѣ ихъ съ фактомъ, не ограничивается сообщеніемъ одному отвлеченному знанію, или памятованію правилъ жизни, но непосредственно возбуждаетъ въ дитяти и знаніе правилъ, и соотвѣтственное имъ настроеніе сердца и воли: дитя разомъ научается какъ понимать, такъ и чувствовать и выражать въ своемъ настроеніи и внутреннюю силу добра и отрицаніе зла. Такъ дѣйствуетъ басня на дѣтей; такъ дѣйствуетъ она и на народъ, близкій, по степени умственнаго развитія, къ дѣтскому возрасту. Въ баснѣ онъ видитъ мелкіе образцы своего ума и слова, и, пользуясь ими, незамѣтно совершенствуетъ и свой смыслъ и свое слово.

Басни Крылова тѣмъ удобопримѣнимѣе къ первоначальному обученію, что содержаніе ихъ всегда просто и доступно пониманію дѣтей. Быть можетъ, оно ограничивается иногда только общими нравственными истинами, не имѣющими близкаго отношенія къ народной жизни; иной разъ его басни не чужды и остатковъ давняго классицизма, каковы, напр., миѳологическія названія Юпитера, Плутона, Парнасса; но такихъ, не гармонирующихъ съ назначеніемъ басни, особенностей въ басняхъ Крылова мало, и, въ общей сложности, его произведенія въ этомъ родѣ поэзіи навсегда останутся памятникомъ рѣдкаго совершенства.

И вотъ почему преимущественно Крылова басни всегда имѣли и долго, долго еще будутъ имѣть не только высокохудожественное, но и педагогическое значеніе, и долго еще цѣлыя поколѣнія будутъ чтить въ памяти Крылова своего общаго учителя.

И всѣ мы можемъ назвать его нашимъ общимъ учителемъ и наставникомъ; потому что воспоминанія нашего дѣтства, нашего первоначальнаго образованія, неразрывны съ памятью Крылова. То, что выработала его душа, что выработала его мысль, стало общимъ нашимъ достояніемъ, — и, соединяя съ памятью о Крыловѣ, какъ знаменитомъ дѣятелѣ русскаго слова, памятованіе о немъ, какъ наставникѣ нѣсколькихъ поколѣній, мы только исполняемъ нашъ нравственный долгъ. Въ произведеніяхъ знаменитыхъ дѣятелей русскаго ума и слова заключаются и руководительныя начала народной жизни, и тѣ невидимыя нити, которыми связуются въ одинъ нравственный міръ и ученики и учители, и школа и жизнь, и прежнія и грядущія поколѣнія.

Гогоцкій.

Художественное значеніе басенъ Крылова.

Басня, какъ и всякое художественное произведеніе, тѣмъ выше, чѣмъ неразрывнѣе и естественнѣе помыслъ соединенъ съ избранною въ ней образною формою, съ олицетвореннымъ предметомъ, который избирается баснописцемъ изъ окружающаго насъ міра. Чѣмъ задушевнѣе высказывается въ нихъ его мысль и, не нуждаясь въ какихъ-нибудь особенныхъ толкованіяхъ, непосредственно возбуждаетъ въ дѣтской натурѣ соотвѣтственное чувство и настроеніе, тѣмъ выше достоинство басни. По внутренней связи содержанія и образной формы басня уже несравненно выше, нежели символъ и аллегорія, хотя подобно имъ, еще не относится къ высшимъ художественнымъ произведеніямъ. Но и въ этомъ отношеніи басни Крылова, если не всѣ, то, по крайней мѣрѣ, весьма многія, такъ совершенны, что могутъ сравниться съ лучшими въ этомъ родѣ произведеніями всѣхъ временъ и народовъ и далеко превосходятъ басни даже лучшихъ изъ прежнихъ нашихъ баснописцевъ — Хемницера и Дмитріева. У Хемницера есть простота изложенія, иногда и остроуміе, но зато случается растянутость и нѣкоторая доля разсужденія, понятная не представленію въ самомъ образѣ, но внѣ образа — разсудку; у Дмитріева — преобладаетъ нѣкоторая обработанность какъ въ ходѣ всего дѣйствія въ баснѣ,

такъ и въ языкѣ. Въ общемъ выводѣ, помыслъ басни далеко не всегда отливается у нихъ въ такихъ живыхъ оттѣнкахъ образа, которыхъ требовали бы аналогическіе типы народной душевной жизни. Басни Крылова безспорно выше по своему художественному совершенству; въ нихъ мысль, большею частію, до мельчайшихъ индивидуальныхъ изгибовъ выражается въ образахъ, и образы ничего не оставляютъ внѣ себя для отвлеченія или для отдѣльнаго пониманія. Типическіе образы въ басняхъ Крылова, большею частію, какъ нельзя лучше соотвѣтствуютъ и ихъ дѣйствительной натурѣ и народному о нихъ представленію; ихъ положеніе, тонъ, взаимное отношеніе отличаются рѣдкою непринужденностію, и, что также очень важно, самая рѣчь отличается у него тѣми живыми оборотами народной рѣчи, въ которыхъ немногими словами, какъ нѣсколькими ударами кисти, каждое дѣйствующее лицо и каждый моментъ его дѣйствія выражены въ самомъ типическомъ ихъ рельефѣ. Басня, въ сравненіи съ высшими художественными произведеніями, вообще страдаетъ еще нѣкоторою отдѣльностію содержанія отъ конкретной формы; потому что не въ вещахъ, не въ растеніяхъ и животныхъ, но только въ движеніяхъ человѣческаго тѣла и слова можетъ выразиться человѣческая душа; но въ борьбѣ съ этимъ-то препятствіемъ и виденъ талантъ Крылова. Во многихъ его басняхъ до такой степени естественны роли выводимыхъ имъ на сцену животныхъ, что читающій или слушающій живое чтеніе его басенъ, весь переносится въ этотъ міръ вымысла и любуется имъ, какъ живою дѣйствительностію. Таковы, напримѣръ, роли въ его басняхъ медвѣдя, волка, осла, лисицы, обезьяны и т. д.

Художественное достоинство басни зависитъ и отъ того, въ какой связи съ нею поставленъ нравоучительный выводъ, если онъ сдѣланъ. Высшее художественное произведеніе не выражаетъ какой-либо отдѣльной отъ себя цѣли; оно вразумляетъ не выступающими изъ цѣльной его сферы правилами, но самыми образами возсозданной имъ жизни. Между тѣмъ, басня нерѣдко прибавляетъ въ началѣ или въ концѣ свою мысль или правило, отдѣльно отъ своего конкретнаго, образнаго содержанія. Въ способѣ этого приложенія или вывода нравоученія заключается пробный камень для таланта баснописца. Часто и въ лучшихъ басняхъ

выводы отличаются дидактическимъ характеромъ и какою-то, по самому тону, отдѣльностію отъ цѣльнаго ихъ состава; у Крылова же самые выводы, своею непринужденностію и остроуміемъ, нерѣдко даже не даютъ замѣтить, что мы уже вышли изъ художественной сферы басни, а иногда, какъ бы снова, съ новою силою, сосредоточиваютъ въ себѣ, въ нѣсколькихъ словахъ, весь комизмъ, всю иронію, разлитые въ баснѣ. Что можетъ быть, напримѣръ, непринужденнѣе дидактическихъ заключеній въ басняхъ — о вельможѣ, или о гусяхъ, или о собакахъ, подравшихся изъ-за кости? Лучшимъ доказательствомъ неподражаемой мѣткости, съ которою индивидуализируются у Крылова общая мысль въ типахъ его басенъ, можетъ быть, какъ мы сказали, не одинъ научный анализъ, но и то задушевное наслажденіе, которое чувствуютъ и выражаютъ дѣти. Такова, напримѣръ, басня *Квартетъ* или бесѣда сытой лисы, подъ стогомъ сѣна, съ голоднымъ волкомъ. Нѣкоторыя басни Крылова содержатъ въ себѣ какъ бы маленькія комедіи, въ которыхъ наглядно, какъ бы предъ очами дѣтей, совершается комическое самоуничтоженіе людскихъ недостатковъ съ его результатомъ и отзвукомъ въ дѣтскомъ смѣхѣ.

Гогоцкій.

Родъ произведеній, преимущественно усвоенный себѣ Крыловымъ, не предполагаетъ, повидимому, необходимыхъ условій художественнаго творчества. Не напрасно басню, какъ иносказательное изображеніе извѣстной нравственной истины, относили къ дидактикѣ. И дѣйствительно, по первоначальному своему значенію, она является въ качествѣ особенной діалектической стратагемы, которую авторъ употребляетъ, когда стремится напечатлѣть въ умахъ, какъ бы нехотя, безъ намѣренія, мимоходомъ, такъ сказать, какой-нибудь урокъ житейской мудрости или мысль, почерпнутую изъ наблюденій общественнаго быта. Поучать ироніей, символомъ, притчею, иносказаніемъ всегда и у всѣхъ народовъ было однимъ изъ общеупотребительныхъ пріемовъ, свойственныхъ духу человѣческому, когда онъ, посреди всяческихъ волнующихъ его недоумѣній, не стремится воззрѣній своихъ обратить въ строгій догматъ, а только въ разнообразной

игрѣ жизни ищетъ указаній на высшія ея задачи. Но мысль о художественномъ творчествѣ не входила въ понятіе объ изображеніи, гдѣ должно угадывать какую-либо цѣль внѣ самаго изображенія, гдѣ оно не въ самомъ себѣ носитъ свою убѣждающую или изъяснительную силу, а въ аналогическомъ приспособленіи къ чему-то другому, стороннему. Въ новѣйшія времена Лафонтенъ первый возвысилъ басню, независимо отъ ея аллегорическаго характера, до высокаго художественнаго значенія. И мы, по всей справедливости, въ твореніяхъ Крылова можемъ представить другой самобытный образецъ подобнаго превращенія иносказательнаго изображенія въ поэму. Мудрость жизни ищетъ союза съ красотою, такъ же какъ искусство, съ своей стороны, нимало не теряя своей свободы, въ откровеніяхъ мудрости почерпаетъ долю богатствъ для усиленія своего благотворнаго вліянія на людей. Не даромъ Платонъ совѣтовалъ суровому учителю Киносарга приносить жертву граціямъ. Онъ хотѣлъ этимъ сказать, что ученіе, имѣющее въ виду дѣлать людей лучшими, наиболѣе достигаетъ своей цѣли, когда, съ сознаніемъ истины, оно пробуждаетъ въ нихъ чувство прекраснаго.

Такимъ образомъ поэтическое развитіе по праву принадлежитъ иносказанію въ баснѣ. Мы очень хорошо знаемъ, что, изображая предметы неодушевленные и существа несмыслящія съ ихъ природными свойствами и надѣляя ихъ въ то же время атрибутами человѣческими, баснописецъ имѣетъ въ виду что-то другое, а не ихъ самихъ. Искусно развивая нить поэтическаго о нихъ сказанія, онъ постоянно даетъ намъ чувствовать аналогію между вымысломъ и дѣйствительностью. И въ этомъ сближеніи, въ этой чудной игрѣ противоположностей, онъ однако, какъ бы случайно и ненамѣренно, рисуетъ картины, глубоко дѣйствующія на наше эстетическое чувство. Отсюда возникаетъ уже поэзія басни, которая сама въ себѣ носитъ увлекательную прелесть, сдружая насъ съ природою, влагая, такъ сказать, въ ея созданія сердце и языкъ, чтобъ чувствовать съ нами заодно, говорить намъ внятно; все твореніе, такимъ образомъ, проникается однимъ духомъ жизни, повсюду напоминающимъ намъ объ общемъ родственномъ происхожденіи отъ одного всемогущаго Жизнедавца. И когда, наконецъ, поэма басни разрѣшается важ-

ною мыслію или нравственною истиной, мы поражены ими, какъ внезапнымъ свѣтлымъ озареніемъ, которое тѣмъ глубже проникаетъ въ нашу душу, чѣмъ менѣе мы были въ правѣ подозрѣвать автора въ доктринерствѣ, въ намѣреніи сдѣлаться нашимъ учителемъ и располагать нашими убѣжденіями. Баснописецъ принесъ обильную жертву граціямъ. Онъ далъ намъ уроки, какъ мудрецъ, и какъ поэтъ провелъ ихъ въ наше сердце. Онъ доставилъ торжество идеѣ или истинѣ, какое доставляется ей только соединеніемъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ пользу ея, на человѣка.

Всѣ эти мысли вытекаютъ не изъ теоріи, — основаніе ихъ лежитъ въ изученіи произведеній нашего великаго баснописца. Взглянемъ же на тѣ силы, какими осуществлялъ онъ свою задачу.

Первое, что̀ представляется намъ въ его басняхъ, самое высокое качество въ нихъ — это умъ. Получивъ въ даръ отъ природы необыкновенный умъ, онъ какъ бы вторично принялъ его изъ богатой сокровищницы народныхъ умственныхъ силъ и сталъ народнымъ писателемъ не потому уже, что того хотѣлъ, а потому, что не хотѣть этого не могъ. Равнодушный ко всѣмъ выспреннимъ утопическимъ и оптимистическимъ міровоззрѣніямъ, тонкій наблюдатель жизни и знатокъ человѣческаго сердца, аналитикъ и немножко скептикъ въ житейской практикѣ, онъ естественно былъ расположенъ къ ироніи; но и ее обнаруживалъ онъ въ народномъ смыслѣ и тонѣ. Эта спокойная, лукавая и вмѣстѣ добродушная иронія, въ которой сквозь незнаніе, ею высказываемое, и отстраненіе себя отъ вопроса свѣтятся, какъ бы вскользь, глубокое и вѣрное пониманіе настоящаго хода вещей и готовность вопросъ разрѣшить по-своему — это иронія, повсюду разлитая въ басняхъ Крылова, есть одно изъ самыхъ коренныхъ и глубокихъ свойствъ нашей народности. Иронія является и у другихъ писателей-баснописцевъ со свойственнымъ ей сатирическимъ направленіемъ. Но въ томъ-то и состоитъ геніальная черта нашего баснописца, что его иронія вылилась въ форму народнаго духа, получила отъ него особенную физіогномію, колоритъ, что ея нельзя ни примѣнить нигдѣ и ни къ чему, какъ только посреди насъ и къ намъ. Не будь приправлена она свойственнымъ нашему національному характеру добродушіемъ, она могла бы при-

нять видъ болѣе серіозный и даже мрачный. У нашего баснописца этого нѣтъ, потому что если серіозность въ извѣстной степени намъ свойственна, то мрачность уже никакъ къ намъ нейдетъ. Заунывность нашихъ пѣсенъ ничего не доказываетъ; она есть выраженіе историческихъ моментовъ и положеній, а не природы нашей. Мы — народъ жизни и движенія, и если мы иногда унываемъ, то ненадолго и не съ тѣмъ, чтобы погрузиться въ плаксивое бездѣйствіе, которымъ обыкновенно сопровождается уныніе. Съ нашей грустною думой мы не менѣе того способны и готовы дать смѣлый и рѣшительный отпоръ всякой бѣдѣ, откуда бы она вамъ ни угрожала. Враги наши думали иногда иначе — но они ошибались.

Нѣтъ никакой надобности приводить въ свидѣтельство сказаннаго здѣсь мѣста изъ самыхъ басенъ, отзывающіяся народностію. Тутъ дѣло не въ частностяхъ, не въ отрывкахъ, не въ языкѣ даже, а въ направленіи, въ тонѣ каждой поэмы, въ цѣлости взятой, и всѣхъ ихъ вмѣстѣ съ первой до послѣдней. Тутъ Русь, тутъ Русью пахнетъ повсюду — въ главныхъ мотивахъ, на которые мѣтитъ авторъ, въ изобрѣтеніи содержанія, въ манерѣ повѣствованія, въ рѣчахъ лицъ повѣствуемыхъ. Что многія выраженія изъ басенъ могли сдѣлаться народными пословицами, это само собою разумѣется. Но всего удивительнѣе то, что всѣ эти лисицы, волки, медвѣди, быки, сурки, тигры, львы, гуси, даже голуби, прилетѣвшіе изъ чужой стороны, какъ будто родились и выросли на поляхъ и въ лѣсахъ нашихъ; они охотно сбѣжались, слетѣлись на зовъ волшебника-поэта, чтобы вмѣстѣ служить ему орудіемъ для изображенія важныхъ истинъ въ нашихъ нравахъ и общественности.

Я сейчасъ говорилъ объ ироніи, это — господствующій тонъ басенъ Крылова. Я позволяю себѣ остановиться еще на минуту на этомъ характеристическомъ качествѣ его ума. Нельзя не восхищаться ея прелестію, несмотря на то, что она колется порядочно. Въ самомъ дѣлѣ, сколько остроумія въ вымыслѣ, въ содержаніи, которыми выражается она, въ характеристикѣ дѣйствующихъ лицъ и положеніяхъ ихъ! Какая простодушная веселость въ изображеніи нравовъ, обычаевъ, всѣхъ странностей звѣринаго и птичьяго міра. Какъ смѣшонъ, напр., хоть бы этотъ слонъ, мечтающій, что онъ поступилъ очень справедливо, позволивъ волкамъ сдирать

кожу съ овецъ, но не трогать ихъ волоскомъ, или сколько комизма во всей этой исторіи, какимъ образомъ медвѣдь попалъ, по звѣриному выбору, въ надсмотрщики надъ ульями съ медомъ, и что изъ этого произошло. Извѣстно, что медвѣдь натаскалъ весь медъ въ свою берлогу; его отдали подъ судъ, отрѣшили отъ должности и приговорили, какъ знатнаго звѣря, пролежать зиму въ берлогѣ.

Но меду все не воротили.
А Мишенька и ухомъ не ведетъ.
Со свѣтомъ Мишка распрощался,
Въ берлогу темную забрался
И лапу съ медомъ тамъ сосетъ,
Да у моря погоды ждетъ.

Крестьяне, претерпѣвъ великое разореніе отъ ручьевъ и рѣчекъ, разыгравшихся во время полноводья, пошли жаловаться на нихъ рѣкѣ, въ которую эти ручьи и рѣчки впадали. Рѣка была почтенная, текла величаво и тихо. Но, пришедши къ ней, просители увидѣли, что все ихъ добро, захваченное ихъ разорителями, по ней же плыветъ.

Тутъ попусту не заводя хлопотъ,
Крестьяне лишь его глазами проводили,
Потомъ взглянулись межъ собой
И, покачавши головой,
Пошли домой,
А уходя проговорили:
На что̀ и время тратить намъ:
На младшихъ не найдешь себѣ управы тамъ,
Гдѣ дѣлятся они со старшимъ пополамъ.

Мужикъ поручилъ ослу на лѣто охранять его огородъ отъ воронъ и воробьевъ. Оселъ былъ честныхъ правилъ, но за дѣло взялся по-ослиному. Онъ,

Гоняя птицъ со всѣхъ ослиныхъ ногъ
По всѣмъ грядамъ и вдоль и поперекъ,
Такую поднялъ скачку,
Что въ огородѣ все примялъ и притопталъ.

Волкъ искалъ мѣсто овечьяго старосты, и ему сильно покровительствовала лисица. Однако, какъ вообще волки не пользуются хорошей репутаціей, то велѣно было навести о немъ справки, и для этого собранъ былъ звѣриный сходъ. Голоса присутствовавшихъ оказались въ пользу кандидата, и онъ получилъ просимое имъ мѣсто въ овчарнѣ.

Да что же овцы говорили?
На сходкѣ вѣдь онѣ ужъ вѣрно были?
Вотъ то-то нѣтъ! овецъ-то и забыли!
А ихъ-то бы всего нужнѣй спросить.

Иногда баснописецъ оставляетъ звѣрей и содержаніе для своего иносказательнаго разсказа прямо беретъ изъ міра человѣческаго. Такъ, онъ разсказываетъ анекдотъ про одного изъ своихъ пріятелей, который въ присутствіи его брился и терпѣлъ отъ того несказанныя мученія. На замѣчаніе автора, что онъ оттого такъ страдаетъ, что у него бритвы тупы, чудакъ отвѣчалъ:

Охъ, братецъ, признаюсь,
Что бритвы очень тупы!
. . . .
Да острыми-то я порѣзаться боюсь!
— А я, мой другъ, тебя увѣрить смѣю
(отвѣтилъ ему авторъ),
Что бритвою тупой изрѣжешься скорѣй,
А острою обреешься вѣрнѣй:
Умѣй владѣть лишь ею.

Священникъ въ церкви произнесъ удивительную проповѣдь, которая всѣхъ присутствовавшихъ восхитила и разстрогала до глубины сердца; всѣ почти плакали. Оказался, однако, и такой, который обнаружилъ полнѣйшее равнодушіе. Одинъ изъ слушателей обратился къ нему съ упрекомъ, говоря:

„А у тебя, сосѣдъ, знать, черствая природа,
Что на тебѣ слезинки не видать?
Иль ты не понималъ?“ — „Ну, какъ не понимать!
Да плакать мнѣ какая стать!
Вѣдь я не здѣшняго прихода“.

Вы чувствуете, что, изъ-за всѣхъ этихъ искусныхъ прикрытій иносказанія, авторъ бросаетъ стрѣлы свои не куда попало, а туда, гдѣ нужнѣе и общеполезнѣе ихъ уязвляющая сила. Извѣстно, что большая часть басенъ написана Крыловымъ по какому-нибудь поводу или случаю, происшедшему въ современномъ ему обществѣ. Далеко не всѣ эти случаи намъ извѣстны; конечно, любопытно было бы знать ихъ въ біографическомъ интересѣ и въ интересѣ исторіи нравовъ вообще. Но это рѣшительно не прибавило бы никакой цѣны самымъ произведеніямъ. Въ нихъ нѣчто болѣе,

нежели намеки на что-либо или кого-ли, и не бѣда, если они и будутъ забыты. Но не забудутся глубокій всенародный или всечеловѣческій смыслъ и идеи, высказанныя въ твореніяхъ геніальнаго писателя.

Таковъ умъ Крылова въ его басняхъ, но вѣдь это только умъ — гдѣ же поэзія, гдѣ художественность? могутъ спросить у меня. Конечно, надобно, чтобы басни эти были изящны и художественны — ибо никакой умъ, ни самая даже народность не могли бы безъ этого возбудить въ сердцахъ такую всеобщую любовь къ нимъ. Любовь только тамъ, гдѣ красота. Таковъ ужъ человѣкъ. Бываютъ исключенія, но они рѣдки. Въ Крыловѣ выразился тотъ непреложный законъ человѣческой природы, по которому высшій умъ, несмотря даже на положительность своего направленія, чѣмъ возвышеннѣе, тѣмъ ближе къ поэзіи, и это, безъ сомнѣнія, потому, что и поэзія есть дѣло умное. Конечно, не всякій, одаренный высшимъ умомъ, способенъ спеціально сдѣлаться поэтомъ — для того нужны еще сила творчества, геній. Ими-то природа богато одарила Крылова въ дополненіе къ уму. Смотря на цѣли, какія онъ имѣлъ въ виду въ своихъ басняхъ, можно было бы опасаться, что мы увидимъ въ немъ сухого холоднаго моралиста, — этого, какъ извѣстно, не случилось. Такимъ моралистомъ онъ не могъ быть уже потому, что вообще, по свойственной ему ироніи, не очень довѣрялъ возможности водворять мораль между людьми поученіями, а болѣе полагался въ томъ на силу вещей и силу впечатлѣнія, которая не только дѣлаетъ истину извѣстною, но и покоряетъ ей сердца. Въ немъ была какая-то двойственность -- и то, что дѣлало его поучительнымъ, и то, что оставляя въ сторонѣ поучительность, дѣлало его просто привлекательнымъ и милымъ. Моралистъ въ басняхъ спрятался за прекрасными созданными имъ поэтическими образами, мало, кажется, думая о томъ, что отъ нихъ произойдетъ Здѣсь онъ поэтъ и, повидимому, только поэтъ, въ особенной формѣ. Онъ любитъ природу — и природа раскрыла передъ нимъ міръ своихъ роскошныхъ созданій съ разнообразными оттѣнками ихъ типическихъ свойствъ. Онъ занятъ только этими созданіями. Онъ любуется ими, простосердечно играетъ съ ними, наблюдая въ то же время ихъ нравы и привычки, не какъ натуралистъ, а какъ членъ ихъ обширнаго семейства Живыя силы природы имѣютъ

неизъяснимую прелесть для поэта; они составляютъ для него неизсякаемый источникъ воодушевленія и поэтическихъ созерцаній. Смотря на Крылова съ этой точки зрѣнія, о немъ можно сказать словами одного изъ извѣстныхъ нашихъ поэтовъ:

Съ природой одною онъ жизнью дышалъ,
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ
И чувствовалъ травъ прозябанье.

Погруженный весь въ свой особенный міръ, онъ, повидимому, не заботится о людяхъ и обращается къ нимъ только тогда, когда нужно у нихъ позаимствовать что-нибудь изъ ихъ свойствъ и быта, чтобъ надѣлить ими любимыя имъ существа. Въ этомъ странномъ мірѣ господствуетъ своя судьба, совершаются свои эпическія дѣйствія, разыгрываются свои драмы, серіозныя и комическія, съ ихъ характерами и героями. И все это поэтъ передаетъ намъ съ такою прагматическою достовѣрностію, какъ бы тутъ не было ничего несбыточнаго и чрезвычайнаго. Читатель не успѣваетъ опомниться отъ обаянія этихъ волшебныхъ видѣній; онъ подозрѣваетъ, конечно, тутъ хитрый умыселъ вызвавшаго ихъ чародѣя, который не можетъ же по совѣсти считать и самъ всю эту чудесную фантасмагорію мыслящихъ и говорящихъ птицъ, звѣрей, деревьевъ за нѣчто серіозное и дѣйствительное; вы чувствуете, что онъ мѣтитъ на что-то иное и приведетъ васъ непремѣнно къ результату съ другимъ смысломъ и значеніемъ. Однакоже и безъ этого, какъ хороши сами по себѣ эти миніатюрныя, полныя жизни и выразительности изображенія! Какъ отъ нихъ вѣетъ свѣжестію той первобытной силы, какая оживотворяетъ все сотворенное! И какъ въ то же время искусно всѣ эти звѣри, звѣрки, птицы, даже цвѣты и деревья разыгрываютъ роль человѣка! Точно какъ будто бы имъ ничего другого и не приходилось дѣлать, какъ разыгрывать эту роль. Правда, они не всегда отличаются добрыми нравами и большею частію упражняются въ плутовствѣ и обманахъ; но это уже они дѣлаютъ сами отъ себя, не сносясь съ человѣческими обычаями. Такова ихъ собственная натура. Вѣдь авторъ это и хочетъ выразить, не вдаваясь пока ни въ какіе выводы. Смотрите,

съ какимъ невинно-лицемѣрнымъ видомъ эта благоприличная, граціозная плутовка-лисица оправдывается передъ крестьяниномъ, когда тотъ упрекаетъ не въ страсти красть куръ и представляетъ ей всѣ невыгоды ея хищнической жизни.

Меня такъ все въ ней столько огорчаетъ,
Что даже мнѣ и пища не вкусна.
Когда бъ ты зналъ, какъ я въ душѣ честна!
Да что же дѣлать? нужда, дѣти;
Притомъ же иногда, голубчикъ-кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ одна живу на свѣтѣ?
Хоть этотъ промыселъ мнѣ точно острый ножъ.

Или та же лисица, съ пушкомъ на рыльцѣ, отвѣчаетъ сурку, на его вопросъ, куда она бѣжитъ такъ безъ оглядки:

Охъ, мой голубчикъ-куманекъ!
Терплю напраслину и выгнана за взятки.
Ты знаешь, я была въ курятникѣ судьей.
Утратила въ дѣлахъ здоровье и покой,
Въ трудахъ куска не поѣдала,
Ночей не досыпала:
И я жъ за то подъ гнѣвъ подпала.
А все по клеветамъ. Ну, самъ подумай ты:
Кто жъ будетъ въ мірѣ правъ, коль слушать клеветы.
Мнѣ взятки брать? да развѣ я взбѣшуся?

Волкъ, преслѣдуемый всѣмъ міромъ за его хищничество, задумалъ удалиться въ страну, гдѣ, по его мнѣнію, ему не будетъ такъ худо — въ Аркадію и, прощаясь съ кукушкою, жалуется на оказываемыя ему несправедливости:

Напрасно я себя покоемъ здѣсь манилъ!
Всѣ тѣ жъ у васъ и люди и собаки!
Одинъ другого злѣй, и ты хоть ангелъ будь,
Такъ не минуешь съ ними драки.

Потомъ въ идиллическомъ восторгѣ онъ описываетъ благодатный край — будущее свое убѣжище:

Сосѣдка! точно сторона!
Тамъ, говорятъ, не знаютъ, что̀ война;
Какъ агнцы кротки человѣки,
И молокомъ текутъ тамъ рѣки.
Ну, словомъ, царствуютъ златыя времена!
Какъ братья, всѣ другъ съ другомъ поступаютъ,
И даже, говорятъ, собаки тамъ не лаютъ,
Не только не кусаютъ.

Кукушка ему дѣлаетъ иронический вопросъ:

А свой ты нравъ и зубы
Здѣсь кинешь, иль возьмешь съ собой?

И на отрицательный отвѣтъ его замѣчаетъ:

Такъ вспомни же меня, что быть тебѣ безъ шубы.

Не могу удержаться, чтобъ не привести еще прелестной поэтической картины изъ басни, гдѣ разсказывается, какъ кроткій, тихій ручеекъ, сдѣлавшійся отъ дождя большимъ потокомъ, не вынесъ своего величія, загордился и забушевалъ. Пастухъ потерялъ ягненка, который утонулъ въ рѣкѣ. Свидѣтель этого печальнаго событія, ручей, вотъ какъ упрекаетъ виновницу его горя:

Рѣка несытая! что̀ если бъ дно твое
Такъ было, какъ мое
Для всѣхъ и ясно и открыто,
И всякій видѣлъ бы на тинистомъ семъ днѣ
Всѣ жертвы, кои ты столь алчно поглотила
Я чай, бы со стыда ты землю сквозь прорыла
И въ темныхъ пропастяхъ себя сокрыла.
Мнѣ кажется, когда бы мнѣ
Дала судьба обильныя столь воды,
Я, украшеньемъ ставъ природы,
Не сдѣлалъ курицѣ бы зла.
Какъ осторожно бы вода моя текла
И мимо хижины и каждаго кусточка!
Благословляли бы меня лишь берега,
И я бы освѣжалъ долины и луга,
Но съ нихъ бы не унесъ листочка.
Ну, словомъ, дѣлая путемъ моимъ добро,
Не приключа нигдѣ ни бѣдъ ни горя,
Вода моя до самаго бы моря
Такъ докатилася чиста, какъ серебро.

Но вотъ:

Туча ливнемъ надъ ближнею горой
Разсѣлась;
Богатствомъ водъ ручей сравнялся вдругъ съ рѣкой;
Но ахъ! Куда въ ручьѣ смиренность дѣлась?
Ручей изъ береговъ бьетъ мутною волной,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,
Столѣтніе валятся дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ;
И самый тотъ пастухъ, за коего рѣкѣ

Пенялъ недавно онъ такимъ кудрявымъ складомъ,
Погибъ со всѣмъ своимъ въ немъ стадомъ,
А хижины его пропали и слѣды.

Но говоря о богатствѣ, разнообразіи и живости óбразовъ въ поэмахъ нашего неподражаемаго баснописца, о его творческой силѣ, я еще ничего не сказалъ о томъ, въ какой степени является въ этихъ поэмахъ организующій, распорядительный, вполнѣ художественный геній. Строгая соразмѣрность въ частяхъ каждой поэмы — вотъ что прежде всего представится вамъ, когда вникните въ составъ ея. Характеры, дѣйствія, описанія — все здѣсь опредѣляется значеніемъ основной идеи, и каждый изъ этихъ элементовъ участвуетъ въ общемъ развитіи цѣлаго, не болѣе какъ сколько нужно. Здѣсь нѣтъ ничего случайнаго, такъ же какъ и ничего съ усиліемъ придуманнаго. Крыловъ въ высшей степени одаренъ былъ тѣмъ, что̀ можно назвать силою художественнаго самообладанія — качествомъ чрезвычайно рѣдкимъ, но и весьма важнымъ, особенно въ писателѣ; при легкости орудія, которое ему дано, — слова, качество это служитъ ручательствомъ, что онъ ничего не скажетъ, о чемъ впослѣдствіи будетъ сожалѣть самъ или его читатели. Крыловъ могъ дать отчетъ передъ обществомъ, передъ разумомъ и критикой въ каждомъ образѣ имъ созданномъ, въ каждой мысли, въ каждомъ словѣ. Это родъ доблести эстетической, такъ какъ самообладаніе нравственное составляетъ доблесть воли. Какъ послѣдняя принадлежитъ характерамъ великимъ, такъ первая писателямъ, образцы коихъ особенно завѣщала намъ классическая древность. Обращаясь къ другимъ отличіямъ въ общемъ характерѣ поэмъ Крылова, я уже не говорю объ объективности его изображеній: она составляетъ необходимую принадлежность всякаго истинно художественнаго творчества. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ могутъ быть идеи, покушенія реализировать ихъ, можетъ быть какъ бы призывъ къ дѣлу, но самое дѣло оказывается не состоявшимся. Объективность и есть настоящее созданіе; что не объективно, то для насъ исчезаетъ безразлично въ безконечномъ круговоротѣ представленій. Чувство отражается въ предметѣ, его возбудившемъ, и потому самая лирика имѣетъ свою объективность, безъ чего она превращается въ одни неопредѣленные, хотя гармоническіе звуки здѣсь она лучше сдѣлаетъ, если

уступить права свои музыкѣ. Та же гармонія и та же мудрая сдержанность, которую мы сейчасъ видѣли у Крылова въ развитіи цѣлаго, простираются и на каждую частность въ его поэмахъ въ особенности. И здѣсь у него нѣтъ изображенія, которое бы не было довершено вполнѣ, такъ какъ это нужно для цѣли и идеи автора, которое бы нуждалось въ поясненіи, изъ котораго бы можно было сдѣлать малѣйшее исключеніе, не уничтожая всей прелести сказаннаго. Все необходимое тутъ прекрасно, и все прекрасное необходимо. Замѣтить, чтобы онъ чего-нибудь не договорилъ или сказалъ что-нибудь лишнее, невпопадъ, что-нибудь ослабилъ или усилилъ вопреки своей задачѣ и потребности, есть чистая невозможность. Его можно было бы развѣ упрекнуть въ одномъ — въ тѣхъ прибавленіяхъ, которыми онъ, по обычаю баснописцевъ, выражаетъ такъ называемую мораль басни. Мораль эта, если можно дать ей это имя, такъ ясно просвѣчиваетъ въ каждомъ изъ его иносказаній, что всякое изъясненіе оказывается излишнимъ. Притомъ и самый смыслъ каждой изъ басенъ гораздо глубже захватываетъ область мыслей и сердца, гораздо обширнѣе того, что можно выразить въ краткой сентенціи. Но мы скажемъ его же словами:

Ужъ коль терпѣть, такъ лучше отъ богатства.

Всѣ эти добавленія до того остроумны, исполнены такихъ глубокихъ истинъ и такъ прекрасно изложены, что, отдѣливъ ихъ, изъ нихъ однихъ можно составить антологію, которая бы послужила украшеніемъ любой литературы.

Удивительная способность собирать себя, сосредоточиваться въ одной мысли или намѣреніи, при необыкновенной раздѣльности и ясности понятій, давала автору возможность группировать и выражать всѣ частности въ самыхъ сжатыхъ и немногихъ чертахъ, а тонкое знаніе языка во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ и формаціяхъ, отъ высшей до самой низшей, надѣляло его способами придавать этимъ чертамъ такую точность и пластическую видимость, какъ будто онѣ были вырѣзаны на мѣди. Часто одного краткаго оборота рѣчи было для него достаточно, чтобъ нарисовать картину, одного слова, или, такъ сказать, удара его кисти, чтобъ картинѣ этой придать извѣстный оттѣнокъ, колоритъ. А какъ онъ думалъ и выражался по думамъ и сердцу своего народа,

то не удивительно, что многіе изъ оборотовъ его рѣчи превращались скоро въ народныя пословицы и поговорки. Кому не извѣстны, кто иногда не прилагалъ къ лицамъ и событіямъ такихъ выраженій, какъ, напримѣръ: *у него пушокъ на рыльцѣ;* или *ларчикъ просто открывался; да чтобъ гусей не раздразнить; а жаль, что незнакомъ ты съ нашимъ пѣтухомъ; въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ, какъ зовутъ; услужливый дуракъ опаснѣе врага; слона-то я и не примѣтилъ; Васька слушаетъ да ѣстъ; еще тарелочку; а только кинь имъ кость, такъ что твои собаки.*

При такой строгой экономіи въ употребленіи мыслей и языка, при такой бдительной управѣ надъ ними и контролированіи самого себя, какими отличался Крыловъ, надобно было бояться нѣкотораго охлажденія въ самыхъ процессахъ его живописанія, нѣкоторой искусственности въ манерѣ и принужденности; но вы знаете, что ничего подобнаго и тѣни нѣтъ въ басняхъ Крылова. Напротивъ, его постоянно сопровождаютъ обычныя его спокойное одушевленіе, веселость и простота. Во всемъ ходѣ и развитіи каждой изъ его поэмъ вы не видите также ни малѣйшихъ признаковъ какого-нибудь техническаго затрудненія, никакой пріостановки, спайки между частями и т. п. Изложеніе течетъ, движется до того свободно и легко, переходы отъ одного момента или оттѣнка къ другому такъ естественны, что вамъ кажется, будто авторъ всю эту систему событій, лицъ, положеній произвелъ однимъ пріемомъ, однимъ непрерывавшимся актомъ своей творческой мысли. *Никитенко.*

Естественность и простота, картинность и музыкальность басенъ Крылова.

Всѣмъ извѣстно, что басни Крылова отличаются такою естественностію и простотою содержанія и формы, что невольно чувствуешь себя увлеченнымъ силою поэтической фантазіи въ этотъ своеобразный міръ животныхъ и насѣкомыхъ, присутствуешь при совершающихся въ этомъ мірѣ событіяхъ, которыя, безъ нашего вѣдома, начинаютъ казаться столь же важными, какъ и самому автору, начинаешь серіозно смотрѣть на эти событія и принимать столь же

теплое и живое участіе въ герояхъ этихъ событій. При чтеніи лучшихъ басенъ Крылова и въ голову не приходитъ аллегорія, и нужно сдѣлать нѣкоторое усиліе надъ собою, чтобы освободиться отъ очарованія, произведеннаго фантазіей поэта. Слушая разговоръ двухъ курицъ, собакъ, стрекозы и муравья, повара съ котомъ и т. д. вы замѣчаете, что авторъ серіозно входитъ въ ихъ положеніе, интересы и отношенія разговаривающихъ. Въ этомъ заключается лучшее достоинство басенъ Крылова, сближающее и роднящее ихъ съ ихъ исконнымъ источникомъ того времени, когда не могло быть и рѣчи объ аллегоріи и правоученіи. Этого достоинства вы не встрѣтите у Дмитріева, и только въ слабой степени у Хемницера и Измайлова; оно зависитъ столько же отъ силы дарованія, сколько и отъ его сущности, его спеціальной организаціи. Эта простота и эта естественность разсказа распространяются на всѣ условія, въ которыхъ въ данную минуту совершается разсказъ. Такая точность и естественность передачи всѣхъ условій разсказа, внѣшнихъ и внутреннихъ, сообщаетъ баснѣ необыкновенную картинность и музыкальность, доходящую до звукоподражанія. Нужно ли изобразить зиму — Крыловъ въ трехъ стихахъ легкими, повидимому, небрежными штрихами геніальнаго художника рисуетъ ея картину:

По снѣгу хрупкому скрипятъ обозы.
Изъ трубъ столбами дымъ, въ оконницахъ стекло
Узорами заволокло. *(Мотъ и Ласточка.)*

Понадобилась для его разсказа буря — и она является въ шести стихахъ съ ея шумомъ и трескомъ, громомъ и молніею:

Борей послушался — летитъ, дохнулъ — и вскорѣ
Насупилось и почернѣло море;
Покрылись тучею тяжелой небеса:
Валы вздымаются и рушатся какъ горы;
Громъ оглушаетъ слухъ; слѣпитъ блескъ молній взоры;
Борей реветъ и рветъ въ лоскутья паруса. *(Пушки и Паруса.)*

Столь же художественно рисуетъ онъ картину бурнаго потока, ниспровергающаго и уносящаго съ собой все, встрѣчающееся ему на пути:

Ручей изъ береговъ бьетъ мутною водой,
Кипитъ, реветъ, крутитъ нечисту пѣну въ клубы,

Столѣтніе валяетъ дубы,
Лишь трески слышны вдалекѣ. *(Ручей.)*

Вотъ тащится въ гору по песку тяжелый рыдванъ — и на самой тяжести и медленности стиховъ, на тяжеловѣсности отдѣльныхъ словъ, не прибранныхъ, а явившихся безъ зова, потому что здѣсь могли быть только они, эти стихи и эти слова, вы чувствуете, такъ сказать, тяжесть колымаги, муку лошадей и палящій зной полуденнаго лѣтняго солнца:

Въ іюлѣ, въ самый зной, въ полуденную пору,
Сыпучими песками, въ гору,
Съ поклажей и съ семьей дворянъ
Четверкою рыдванъ
Тащился. *(Муха и дорожные.)*

И тутъ же передъ вами столь же художественный образъ мухи въ стихахъ легкихъ, летучихъ и суетливыхъ, какъ муха: она жужжитъ во всю мушину мочь:

Вокругъ повозки суетится;
То надъ носомъ юлитъ у коренной,
То лобъ укуситъ пристяжной,
То вмѣсто кучера на козлы вдругъ садится,
Или оставя лошадей,
И вдоль и поперекъ шныряетъ межъ людей.

А вотъ легкій и граціозный образъ мухи въ другомъ положеніи:

Въ саду, весной, при легкомъ вѣтеркѣ,
На тонкомъ стебелькѣ
Качалась муха, сидя.

Или образъ лягушки, которая завела домокъ „подъ кустикомъ, въ тѣни, межъ травки, какъ раекъ". А эти неподражаемые стихи, рисующіе старика-крестьянина съ тяжкой ношей дровъ, — стихи, тяжелые и медленные, переносящіе въ душу то физическое и нравственное изнуреніе, которое чувствовалъ бѣдный старикъ:

Набравъ валежнику порой холодной зимней,
Старикъ, изсохшій весь отъ нужды и трудовъ,
Тащился медленно къ своей лачужкѣ дымной,
Кряхтя и охая подъ тяжкой ношей дровъ.
Несъ, несъ онъ ихъ и утомился,
Остановился,
На землю съ плечъ спустилъ дрова долой,
Присѣлъ на нихъ, вздохнулъ и думалъ самъ съ собой.

Чтобы нарисовать истинно-поэтическую картину для Крылова часто довольно стиха, много двухъ, и по нимъ вы тотчасъ узнаете его. Вотъ передъ вами медвѣдь „увѣсистый булыжникъ въ лапы сгребъ, присѣлъ на корточки, не переводитъ духу“; или левъ, „когти разминая и озираючи товарищей кругомъ, дѣлежъ располагаетъ“; или ястребъ, спускающійся на бѣднаго голубя, „ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пышетъ“; или мужикъ, который „отнесъ полчерепа медвѣдю топоромъ“... И развѣ можно перечислить здѣсь всѣ художественныя описанія, всѣ художественныя картины въ басняхъ Крылова?

Языкъ и стихи въ нихъ, какъ видно и изъ нашихъ примѣровъ, находятся всегда въ полномъ подчиненіи мысли и фантазіи, какъ самыя послушныя ихъ орудія. Высшаго совершенства языкъ достигаетъ тогда, когда присутствіе его совсѣмъ незамѣтно, когда даже достоинства его не обращаютъ на себя вниманія, когда мысль, чувство и образъ воспринимаются непосредственно, въ ихъ чистомъ, духовномъ состояніи, когда самые предметы внѣшней природы являются также непосредственно, со всѣми ихъ качествами и состояніями въ минуту ихъ воспріятія поэтомъ. Языкъ въ басняхъ Крылова именно достигаетъ этого совершенства. Никто съ такою художественностію не опредѣлилъ достоинства этого языка, какъ Гоголь. „Ни одинъ изъ поэтовъ, — говоритъ онъ, — не умѣлъ сдѣлать свою мысль такъ ощутительною и выражаться такъ доступно всѣмъ, какъ Крыловъ. Поэтъ и мудрецъ слились въ немъ воедино. У него живописно все, начиная отъ изображенія природы плѣнительной, грозной и даже грязной, до передачи малѣйшихъ оттѣнковъ разговора, выдающихъ живьемъ душевныя свойства. Все такъ сказано мѣтко, такъ замѣчено вѣрно и такъ усвоено крѣпко, что даже опредѣлить нельзя, въ чемъ характеръ пера Крылова. У него не поймаешь его слога. Предметъ, какъ бы не имѣя словесной оболочки, выступаетъ самъ собой, натурою, передъ глаза. Стиха его даже не схватишь. Никакъ не опредѣлишь его свойства: звученъ ли онъ? легокъ ли? тяжелъ ли? Звучитъ онъ тамъ, гдѣ предметъ у него звучитъ; движется, гдѣ предметъ движется; крѣпчаетъ, гдѣ крѣпнетъ мысль, и становится вдругъ легкимъ, гдѣ уступаетъ легковѣсной болтовнѣ дурака. Его рѣчь покорна и послушна мысли и летаетъ

какъ муха, то являясь вдругъ въ длинномъ шестистопномъ ямбѣ, то быстромъ одностопномъ; разсчитаннымъ числомъ слоговъ выдаетъ онъ ощутительно самую невыразимую ея духовность. *Лавровскій.*

Языкъ басенъ Крылова.

Крыловъ былъ почитаемъ современниками, какъ одинъ изъ лучшихъ писателей; не менѣе чтится онъ дѣтьми и внуками ихъ. И это не то холодное почтеніе, которое остается за уваженными писателями и тогда, когда ихъ произведеній не читаетъ уже никто, кромѣ развѣ тѣхъ любознательныхъ людей, которымъ они нужны, какъ памятники времени: уваженіе къ Крылову есть любовь къ нему, какъ къ человѣку, дѣйствующему на душу своею доброю душою, вызывающему простосердечное настроеніе своимъ собственнымъ простосердечіемъ, вызывающему насъ на лучшее, оставляющему въ насъ нравственное спокойствіе. За шестьдесятъ лѣтъ передъ этимъ стали читать и учить его басни; поколѣнія смѣнялись одни другими: для каждаго новаго Крыловъ становился тѣмъ же другомъ, и въ каждомъ прежнемъ, старѣвшемъ, съ лѣтами крѣпла любовь къ нему, какъ къ другу. Уваженіе къ Крылову никогда не уменьшало уваженія къ другимъ писателямъ; но и само не только не уменьшалось отъ этого, а возрастало. Произведенія другихъ писателей нерѣдко перечитывали и выучивали по наказу; къ баснямъ Крылова никогда никого не надобно было приневоливать: онъ былъ и остается каждому нуженъ.

Такое значеніе Крылова зависитъ, кромѣ многаго другого, и отъ языка его. Его басни останутся прекрасными и въ хорошемъ переводѣ на другой языкъ, но ни въ какомъ переводѣ не будутъ такими, какъ въ русскомъ подлинникѣ — въ томъ видѣ, въ какомъ далъ онъ ихъ намъ.

Какъ своей собственною, свободною и самобытною силою Крыловъ владѣлъ роднымъ языкомъ; тѣмъ сильнѣе дѣйствовалъ имъ на другихъ, чѣмъ болѣе вдумывался, чѣмъ болѣе готовъ былъ выразить свою думу и чувство искренно. Отсюда сочувствіе къ нему, ничѣмъ не умаляемое, сочувствіе

всѣхъ возрастовъ, нерѣдко сильнѣйшее по мѣрѣ развитія въ человѣкѣ чутья языка, имъ самимъ въ немъ сѣемаго.

Можно отдѣлить, чѣмъ именно дѣйствовалъ и дѣйствуетъ Крыловъ на своихъ читателей, давая свободу выразительности языка. Можно отдѣлить въ его языкѣ *слова,* какъ вѣрныя изображенія его понятій и образовъ: и прекрасенъ, и разнообразенъ, и богатъ его подборъ словъ, — такъ богатъ, что изъ однѣхъ басенъ Крылова можно выбрать довольно большой словарь русскаго языка, не полный болѣе всего въ предметномъ отношеніи, такъ какъ Крылову не случилось говорить о многихъ предметахъ. Можно отдѣлить въ его языкѣ множество *оборотовъ,* особенныхъ способовъ сочетанія словъ и при этомъ разныхъ видоизмѣненій словъ: въ этомъ отношеніи языкъ Крылова если не богаче, то и не бѣднѣе чѣмъ словами. Можно отдѣлить въ немъ огромное число *выраженій,* тѣхъ связей словъ, которыя для ума нераздѣлимы такъ же, какъ и слоги одного слова: многія изъ нихъ — старое достояніе народа, вытравленное изъ нѣкоторыхъ его слоевъ чужеязычіемъ и чужеобычіемъ; многія возникли изъ души Крылова и дороги своею выразительностью не меньше тѣхъ. Можно отдѣлить въ языкѣ Крылова множество *пословицъ* и *поговорокъ,* и взятыхъ имъ у народа и данныхъ имъ народу, ничѣмъ одна отъ другихъ не отличныхъ, если не не знать, что та или другая изъ нихъ была въ ходу и до Крылова, а та или другая пошла въ ходъ только послѣ Крылова. За всѣмъ этимъ легко отдѣляемымъ остается то, что не выдѣляется никакимъ химическимъ разложеніемъ: связность частей въ одно цѣлое, жизненная сила живого, безъ чего не былъ бы Крыловъ Крыловымъ, безъ чего не замѣнятъ его басенъ никакіе сборники словъ, оборотовъ и выраженій, поговорокъ и пословицъ, вошедшихъ въ его басни, какія обольстительныя формы ни придать имъ. Тѣмъ-то и великъ Крыловъ въ выразительности языка, что для него богатства русской рѣчи не были чужимъ добромъ, такъ или иначе подобраннымъ, а достояніемъ его души.

Сравнивая Крылова съ другими писателями его времени надобно признать, что и онъ иногда подчинялся всѣми принятымъ образцамъ не только въ выборѣ предметовъ, въ расположеніи и въ изложеніи произведеній, но и въ языкѣ и слогѣ, въ поминаніи приличій относительно выбора словъ

и выраженій и относительно такъ называемой поэтической вольности; но это невольничанье, заразившее многихъ изъ нашихъ даровитыхъ писателей, было для него не жизненнымъ недугомъ, а временною болѣзнію. Въ большей части басенъ его вмѣстѣ съ силою соблюдена и чистота языка до мелочей: нѣтъ ни славянскаго выговора словъ, ни неправильныхъ ударепій для стиха или для рифмы, ни одночленныхъ прилагательныхъ вмѣсто двучленныхъ, ни неестественнаго расположенія словъ. Менѣе всѣхъ своихъ современниковъ онъ пользовался обычаемъ нарушать чистоту языка, когда оставался самъ собою, когда давалъ себѣ право говорить отъ души, какъ чувствовалъ.

Чутье языка остается для большинства безотчетнымъ. Не отдавая никому отчета въ мелочахъ, оно, повидимому, и не отличаетъ того, что придаетъ выраженіямъ силу, отъ того, что ее ослабляетъ; но при всей своей безотчетности оно не столько снисходительно, какъ можетъ казаться. Не отвергая ничего по мелочамъ, оно караетъ писателей холодностью тѣмъ болѣе, чѣмъ само живѣе и чѣмъ болѣе бываетъ оскорбляемо нарушеніями чистоты и недостаткомъ живой силы языка. Оно покарало холодностью многихъ писателей, достойныхъ лучшей участи, — писателей, для которыхъ русскій языкъ былъ болѣе механическимъ орудіемъ, чѣмъ живою силою, не отдѣлимою отъ мысли и чувства. Не то было съ Крыловымъ. По дарованіямъ, онъ былъ не сильнѣе нѣкоторыхъ изъ писателей забытыхъ, и не только не забытъ, но остается такимъ же живымъ возбудителемъ мысли и чувства, какимъ былъ въ свое время; границы его власти, кажется, даже раздвинулись, и не сдвинутся надолго. Такъ пѣсни пѣвца народнаго, вѣрно сбереженныя памятью народа, остаются неизмѣнно свѣжими цвѣтами поэзіи, какъ бы ни были онѣ стары по времени ихъ сложенія. Рядомъ съ этими живыми цвѣтами поэзіи ставятся нерѣдко поддѣльные цвѣты подражаній, и нравятся, нравятся даже болѣе, гораздо болѣе, — на время пока не устарѣли прихоти, силою которыхъ была за ними признаваема поэтичность, — и потомъ дѣлаются они и смѣшны и жалки своею поддѣльностью.

Нельзя отвергать, что Крыловъ заботился о выразительности языка, искалъ въ умѣ выраженій, совпадающихъ вполнѣ съ его мыслію, и потому перемѣнялъ ихъ, попра-

влялъ себя; но нельзя также отвергать и того, что онъ и въ первыхъ своихъ басняхъ выказалъ ту же свободную силу языка, какъ и въ другихъ, написанныхъ позже и гораздо позже, что не былъ онъ подъ тяготѣніемъ силъ новаго литературнаго языка, а самъ былъ одною изъ этихъ силъ, — силою могучею, хотя и незамѣчаемою. И задолго до того, какъ сталъ онъ писать басни и только басни, владѣлъ онъ выразительностью и плавностью языка всегда, когда хотѣлъ, и могъ оставаться самимъ собою, не надѣвая на себя маски условныхъ приличій и не давая воли пользоваться тѣми отступленіями отъ чистоты языка, которыя были допускаемы навыкомъ и примѣромъ образцовыхъ писателей. Въ этомъ отношеніи литературные труды могутъ наводить внимательнаго наблюдателя на замѣчанія, достойныя соображеній.

Крыловъ оставался дѣятелемъ въ литературѣ русской въ продолженіе слишкомъ пятидесяти лѣтъ: писалъ въ годы славы Державина и Хераскова, продолжалъ при Карамзинѣ, при Жуковскомъ, при ученикѣ своемъ Грибоѣдовѣ, кончилъ вмѣстѣ со своими учениками, Пушкинымъ и Марлинскимъ, при Сенковскомъ, Лермонтовѣ, Гоголѣ и ихъ современникахъ. Кто не знаетъ, что̀ пережила въ продолженіе этихъ многихъ лѣтъ русская литература, а съ нею и русскій литературный языкъ; кто не скажетъ, говоря по совѣсти, что произведенія многихъ, многихъ писателей, когда-то и даже очень недавно знаменитыхъ, любимыхъ, трудно и непріятно читать — болѣе всего потому, что ихъ языкъ не нашъ языкъ? Мнѣ кажется, что въ то время, когда началъ и продолжалъ писать Крыловъ, Державинъ царилъ въ нашей литературѣ, почти затмевая всѣхъ другихъ писателей или, по крайней мѣрѣ, всѣхъ ихъ увлекая за собою. И Державинъ, сколько ни давалъ онъ себѣ свободы выражаться, какъ пришлось, хоть бы и противъ основныхъ законовъ языка, нерѣдко выражался чисто по-русски, о чемъ бы ни заговорилъ. И Муравьеву, Богдановичу, Майкову, Петрову, даже Хераскову, Кострову, Княжнину удавалось то же. Съ другой стороны и Карамзину, Дмитріеву, Нелединскому и другимъ, еще болѣе позднимъ, часто не удавалось выражаться такъ хорошо по-русски, какъ удавалось Державину и другимъ писателямъ прежняго времени. Удавалось уже вполнѣ тѣмъ комикамъ и сатирикамъ, которые писали не отъ своего лица,

а выводили разныя лица простого быта и смѣшили или забавляли ихъ рѣчью своихъ читателей или слушателей; но удачи этихъ писателей, кажется, надобно брать въ расчетъ не при разборѣ состоянія литературнаго языка, а при оцѣнкѣ ихъ литературныхъ понятій: они могли умѣть и точно умѣли вѣрно изображать лица разныхъ слоевъ народа особенностями ихъ рѣчи, и въ то же время могли не умѣть и точно не умѣли говорить хорошо отъ себя. И имъ, какъ всѣмъ другимъ, удавалось это случайно. Всѣ удачи и неудачи зависѣли отъ однѣхъ и тѣхъ же причинъ, — и это бы продолжалось безвыходно, если бы не проникла въ нашу литературу новая струя.

Чувство народности стало все болѣе оживляться въ людяхъ образованнаго общества въ то время, когда это же общество заражалось все болѣе безграничнымъ пристрастіемъ къ чужому, западно-европейскому. Чувство народности сливалось съ любовію къ отечеству, съ силою, которая связывала въ союзъ взаимнаго уваженія людей русскихъ родомъ или домомъ и долгомъ совѣсти, но не правомъ и обычаемъ, съ людьми русскими, которые не умѣли или не хотѣли быть иными, чѣмъ отъ роду были. Съ чувствомъ народности росли всегда и вездѣ сочувствіе къ народной пѣснѣ, сказкѣ и пословицѣ, сочувствіе къ выразительности простой народной рѣчи и живое чутье родного языка. Литература не могла остаться въ сторонѣ отъ этого движенія общества. Не легко было, однако, дать ему въ ней общее значеніе: закоренѣлыя привычки писателей прежнихъ поколѣній, легко переходившія и къ новымъ, молодымъ поколѣніямъ, искавшимъ себѣ образцовъ въ произведеніяхъ прошлаго времени, необходимость читать и перечитывать произведенія литературъ иноземныхъ, — необходимость, которую оправдывали не однѣ привычки, но и чувство правды, влеченіе къ прекрасному, сравнительная бѣдность нашей литературы, необходимость переводами и передѣлками ихъ дополнять наше литературное достояніе, — дополнять сколько можно болѣе вѣрно и дословно, удобство выражаться, не вдумываясь въ слова и выраженія, удобство пра́ва калѣчить языкъ на основаніи условій такъ называемой поэтической вольности, — права, предуманнаго въ вѣка всяческаго безправья, — все вмѣстѣ удерживало нашу литературу на старой дорогѣ. Робко, чуть замѣтною тропинкой, могли

пробираться подлѣ этой большой дороги попытки говорить отъ сердца чисто русскою рѣчью, не смѣша читателей, а вызывая въ нихъ тѣ же думы и чувства, какія, какъ всѣмъ казалось, полновластно были вызываемы искусственнымъ языкомъ большой дороги. Эти попытки, какъ ни были онѣ скромны, были замѣчаемы все болѣе и дѣйствовали на писателей, по крайней мѣрѣ, столько же, сколько и живой языкъ тѣхъ образованныхъ людей, которые говорили по-русски не по книгамъ. Въ искусственномъ литературномъ языкѣ допущена въ пользу народности одна перемѣна, одна уступка, безъ сомнѣнія, очень важная, но все же только уступка: допущено, а потомъ признано и необходимымъ — подлаживать подъ строй народной логики расположеніе словъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ данъ входъ оборотамъ иноземнымъ, французскимъ. Выгнано было, кромѣ того, изъ языка нѣсколько словъ славянскихъ, но зато принято много словъ, занятыхъ въ подлинникѣ или въ переводѣ изъ того же французскаго языка. Не этого можно было желать тѣмъ, для которыхъ дорога̀ была сила прямо русской рѣчи. Трудно было овладѣть этой силой въ такомъ положеніи дѣлъ: нужны были — твердая рѣшимость и стойкость, дарованія, счастливое умѣнье, знанія. Пытались многіе, иные довольно счастливо, но не долго; несоскучившихся борьбою съ трудностями не остался почти никто.

Крыловъ остался. Съ 1806 года началъ онъ печатать свои басни. Съ пересказами басенъ Лафонтена почти сразу сталъ онъ давать и свои собственныя, — и какія: „Ларчикъ“, „Музыканты“, „Оракулъ“, „Обезьяны“ и т. д. Въ 1811 году было у него уже болѣе сорока басенъ и въ томъ числѣ наполовину его собственныхъ. Въ 1816 году — 115, и въ томъ числѣ собственныхъ болѣе 90. Изъ всѣхъ басенъ, написанныхъ Крыловымъ, а ихъ безъ одной 200, занятыхъ отъ другихъ баснописцевъ менѣе 40. И въ занятыхъ, впрочемъ, онъ столько же самобытенъ, какъ въ собственныхъ, — самобытенъ въ разсказѣ, въ подробностяхъ, въ выразительности рѣчи. Это отмѣчено уже было Жуковскимъ при разборѣ перваго изданія 1809 года, хотя Жуковскій тогда еще и не понималъ значенія народной выразительности разсказа и языка. Нельзя сказать, что языкъ басенъ Крылова совершенно безъ ошибокъ противъ чистоты и правильности; но

эти ошибки исчезаютъ въ несчетномъ множествѣ разнообразныхъ красотъ чистаго русскаго языка и въ силѣ задушевности, которою онъ проникнутъ не менѣе, чѣмъ языкъ народныхъ пѣсенъ и пословицъ. Приводить ли доказательства? Но кто же не знаетъ наизусть басенъ Крылова? Однѣ изъ нихъ, правда, менѣе извѣстны, чѣмъ другія; но кто можетъ поручиться, что какая-нибудь менѣе всѣхъ другихъ извѣстная не памятна большинству? Позволяю себѣ привести всѣмъ памятную, примѣняемую не только къ простой житейской правдѣ и совѣсти, но и къ правдѣ и совѣсти въ языкѣ:

Дитяти маменька расчесывать головку
Купила частый гребешокъ.
Не выпускаетъ вонъ дитя изъ рукъ обновку.
Играетъ иль твердитъ изъ азбуки урокъ,
Свои все кудри золотые,
Волнистые, барашкомъ завитые
И мягкіе, какъ тонкій ленъ,
Любуясь гребешкомъ, расчесываетъ онъ.
И что за гребешокъ! Не только не теребитъ,
Нигдѣ онъ даже не зацѣпитъ,
Такъ плавенъ, гладокъ въ волосахъ.
Нѣтъ гребню и цѣны у мальчика въ глазахъ.
Случись, однакоже, что гребень затерялся.
Зарѣзвился мой мальчикъ, заигрался,
Всклокочилъ волосы копной,
Лишь няня къ волосамъ, дитя подыметъ вой:
„Гдѣ гребень мой?“
И гребень отыскался,
Да только въ головѣ ни взадъ онъ ни впередъ,
Лишь волосы до слезъ деретъ.
„Какой ты злой гребнишка!“
Кричитъ мальчишка.
А гребень говоритъ: „Мой другъ, все тотъ же я,
Да голова всклокочена твоя“.
Однакожъ, мальчикъ мой отъ злости и досады —
Закинулъ гребень свой въ рѣку...
Теперь имъ чешутся наяды.

Крылову болѣе, чѣмъ какому другому писателю, обязана русская литература тѣмъ, что въ языкѣ ея признана необходимость народности, — признана не на какихъ-нибудь условіяхъ сочетанія русскаго съ нерусскимъ, а безусловно, — настолько же, насколько должна быть признаваема въ словесности народной. *Срезневскій.*

Отношеніе современниковъ къ Крылову.

Причины единодушія въ отзывахъ критиковъ о Крыловѣ заключаются, конечно, прежде всего въ томъ, что достоинства его басенъ: простота, художественность, народность и юморъ ихъ изложенія, мѣткость сатиры, типичность персонажей, доступность для всѣхъ слоевъ общества, наконецъ, благодаря всему сказанному, громадное педагогическое значеніе произведеній Крылова какъ для дѣтей, такъ и для взрослыхъ, — всѣ эти достоинства представлялись безспорными и несомнѣнными въ глазахъ людей самыхъ противоположныхъ литературныхъ лагерей: уже одна популярность басенъ Крылова въ читающей публикѣ, небывало-громадные размѣры ихъ распространенія путемъ печати достаточно краснорѣчиво говорили за себя и давали Крылову преимущество передъ всѣми другими русскими писателями право на званіе всенароднаго поэта. Но, помимо этой основной причины, были налицо и другія условія, въ силу которыхъ имя Крылова не возбуждало такой ожесточенной полемики, какая возгорѣлась при выходѣ на литературную арену Карамзина, Пушкина и особенно Гоголя: Крыловъ не являлся литературнымъ новаторомъ; онъ отмежевалъ въ свое исключительное обладаніе классическій родъ поэзіи, освѣщенный авторитетами Эзопа, Федра, Лафонтена и Дмитріева, — родъ, удобный тѣмъ, что въ его сферѣ даже и старая піитика, уже отжившая свой вѣкъ, допускала наиболѣе *вольностей* — и „низкій штиль“, приближающійся къ простонародному способу выраженія, и вольный стихъ, напоминающій обычную разговорную рѣчь. Эти условія дѣлали возможнымъ и самое внесеніе въ басню народнаго элемента, позволяли ей черпать содержаніе изъ дѣйствительной, обыденной жизни, выводить на сцену дѣйствительныхъ, простыхъ людей, хотя бы въ аллегорическомъ образѣ животныхъ. Басня, комедія, сатира подъ перомъ даровитыхъ писателей несравненно легче могли проникнуться реализмомъ, чѣмъ, напримѣръ, ода или трагедія, имѣвшія дѣло съ героями и полубогами, съ ихъ высокими чувствами и выспреннимъ изложеніемъ. Но басня была не только общепризнаннымъ, законнымъ видомъ поэзія: ея общедоступность дѣлала ее одною изъ любимѣйшихъ литературныхъ формъ, а ея высокая нравоописательная и нраво-

исправительная цѣль внушала особое уваженіе къ дѣятельности баснописца. Во времена тяжелыя для литературы аллегорическій способъ выраженія, „эзоповскій языкъ“, давалъ возможность общественному мнѣнію, соединяя обличеніе и поученіе съ забавою, выражаться хоть въ половину, говорить „истину съ улыбкою“, при чемъ, конечно, неумѣренная улыбка могла иной разъ заслонять собою самую истину. Басня представлялась разновидностью сатиры забавной и незлобной, но тѣмъ не менѣе дѣйствительной, какъ мы видѣли изъ приведеннаго выше выраженія князя Вяземскаго о Крыловѣ, *исправившемъ* людей *забавою*. Такой взглядъ на характеръ басни выраженъ и Батюшковымъ *(Мои Пенаты)*, прославляющимъ Дмитріева за то, что онъ „Парнасскими цвѣтами *скрылъ истину шутя*“, и самимъ Крыловымъ, поясняющимъ баснею общеизвѣстную истину („охотно мы даримъ, что намъ не надобно самимъ“) затѣмъ, „что истина сноснѣе *вполоткрыта*“ *(Волкъ и Лисица)*, и тѣмъ болѣе прибѣгающимъ къ формѣ басни для выраженія мысли, болѣе раздражающей, о томъ, что „у сильнаго всегда безсильный виноватъ“ *(Волкъ и Ягненокъ)*. Наиболѣе полно и ясно эта теорія басни въ тогдашней литературѣ выражена Измайловымъ, также въ формѣ басни, поставленной во главѣ его произведеній этого рода и озаглавленной прямо: *Происхожденіе и польза басни*. Къ царю въ чертогъ является нагая истина, и на вопросъ разгнѣваннаго властелина, кто она такова и какъ смѣла войти въ такомъ видѣ, объясняетъ свое званіе и цѣль своего прихода — сказать лишь слова два: „Льстецы престолъ твой окружаютъ; народъ вельможи угнетаютъ; ты нарушаешь самъ нерѣдко свой законъ“. Царь гонитъ истину вонъ и велитъ стражамъ отвести ее въ смирительный или сумасшедшій домъ. Въ другой разъ истина приходитъ къ царю уже не нагая, въ блестящей, дорогой одеждѣ, взятой у *вымысла*, и, смягчивъ свой грубый тонъ, вступаетъ въ почтительный разговоръ.

Царь выслушалъ ее съ великимъ снисхожденьемъ:
Перемѣнился скоро дворъ;
Временщики упали:
Пришелъ на знатныхъ черный годъ;
Вельможи новые не спали;
Царь славу пріобрѣлъ, и счастливъ сталъ народъ.

Заключеніе этой остроумной басни особенно характерно, указывая на то преувеличенное значеніе иносказательныхъ обличеній, какое, по крайней мѣрѣ, на словахъ, склонны были люди той эпохи приписывать баснѣ и сатирѣ вообще: въ самомъ дѣлѣ, басни оказываются способными произвести полную перемѣну придворныхъ и административныхъ нравовъ, искоренить всѣ застарѣлые пороки, сдѣлать цѣлый народъ счастливымъ!

Такое высокое представленіе объ общественномъ значеніи басни въ соединеніи съ ея пріятнымъ, безобиднымъ характеромъ, пожалуй, не менѣе неоспоримаго достоинства самыхъ басенъ Крылова побуждало современниковъ смотрѣть на него съ особымъ уваженіемъ, чему, конечно, не мало также способствовали знаки благоволенія, неоднократно выражавшіеся по адресу баснописца изъ высшихъ сферъ. Правда, даже самыя могущественныя связи не избавляли иногда Крылова отъ цензурныхъ затрудненій, и ему приходилось порою сознавать, что „плохія пѣсни соловью въ когтяхъ у кошки“, и высказывать эту мысль „на ушко“ читателю, приходилось не пояснять далѣе своей мысли, „чтобъ гусей не раздразнить“, *даже передѣлывать заключеніе* своей басни, какъ это случилось съ *Рыбьими плясками,* — приключеніе, аналогичное съ гоголевскою *Повѣстью о капитанѣ Копейкинѣ*. Для напечатанія *Вельможи* понадобилось личное вмѣшательство самого императора Николая Павловича; намъ уже пришлось говорить о любопытной баснѣ Крылова *(Пестрыя Овцы),* которая вовсе не увидѣла свѣта при его жизни и, по всей вѣроятности, не случайно. Не всегда, значитъ, басни Крылова представлялись его современникамъ только поучительными и забавными, но вызывали иной разъ неудовольствіе своей мѣткою общественною сатирой: нагая истина просвѣчивала и сквозь одежду, заимствованную у вымысла. Бѣлинскій вѣрно подмѣтилъ, что Крыловъ умѣлъ придать баснѣ жгучій характеръ сатиры и памфлета; но не всѣ обладали проницательностью взора великаго критика: для массы читающаго люда, въ которой такъ часто попадались нечистые на руку Климычи, „украдкою кивающіе на Петра“ при чтеніи о взяткахъ и не любящіе узнавать себя въ зеркалѣ сатиры, въ глазахъ этой массы Крыловъ всегда былъ „незлобивымъ поэтомъ“, удѣлъ

котораго такъ блаженъ по извѣстному стихотворенію Некрасова, человѣкомъ умѣреннаго образа мыслей, уравновѣшеннымъ, благоразумнымъ и вполнѣ благонамѣреннымъ въ политическомъ и литературномъ смыслѣ. Въ сущности своей оцѣнки масса, какъ мы увидимъ, и не ошибалась: она только не въ состояніи была извлечь изъ произведеній Крылова того общественнаго вывода, какой изъ нихъ проистекалъ, и какого, можетъ-быть, не могъ бы формулировать и самъ баснописецъ. Спокойный, безстрастный, чисто народный юморъ басенъ Крылова не имѣлъ, повидимому, въ себѣ ничего задорнаго, не кусался и не бичевалъ слишкомъ явно, почему люди близорукіе и не могли особенно больно его ощущать, подобно тому, какъ тѣ же люди видѣли только одинъ забавный элементъ въ произведеніяхъ Гоголя, по крайней мѣрѣ, до появленія „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“. Безсмертная выходка Загорѣцкаго противъ басенъ въ самомъ принципѣ, если и является отраженіемъ взгляда нѣкоторой части современнаго ему общества, во всякомъ случаѣ даже и въ глазахъ реакціонеровъ 20-хъ годовъ должна была представляться доведеннымъ до карикатуры и по тому самому подозрительнымъ насчетъ искренности заявленіемъ ультра-благонамѣренности: если цензура и не упускала случая „налечь на басни“, несомнѣнно все-таки, что подъ покровомъ шутливой аллегоріи литература имѣла возможность касаться общественныхъ вопросовъ съ большею для себя безопасностью, чѣмъ въ формѣ открытой сатиры или серіозной публицистики. *Аммонъ.*

Личность Крылова.

О превосходствѣ басенъ Крылова было столько говорено, что едва ли остается что-либо прибавить къ высказаннымъ похваламъ. Но въ чемъ же дѣйствительная заслуга Крылова? Не будетъ ли справедливо, спроситъ иной, притти, наконецъ, къ заключенію, что онъ, выразивъ общеизвѣстныя истины, хотя и въ художественной формѣ, не сказалъ ничего новаго? Онъ не былъ, могутъ замѣтить, ни ученымъ,

ни даже образованнымъ или особенно-дѣятельнымъ или благоразумно-мыслящимъ человѣкомъ. Онъ уже при жизни былъ достаточно вознагражденъ за незначительный трудъ сочиненія басенъ, и не пора ли, наконецъ, забыть увлеченіе, возбужденное въ его современникахъ замысловатыми апологами, которые были въ духѣ той эпохи, но потеряли цѣну для нашего серіознаго времени? Какъ ни странно такое сужденіе, но намъ случалось его слышать, а потому не излишне будетъ распространиться нѣсколько объ умственной и нравственной физіономіи Крылова и о значеніи его басенъ. Точно ли Крыловъ не былъ высокообразованнымъ человѣкомъ? Ученымъ онъ дѣйствительно не былъ, хотя, изучивъ греческій языкъ въ 50-лѣтнемъ возрастѣ, съ цѣлію удивить своего друга, переводчика „Иліады“ Гнѣдича, и показалъ, что, по своимъ способностямъ, могъ бы съ честію посвятить себя наукѣ, если бъ тому не помѣшали обстоятельства и особыя свойства его природы. Во время служенія своего при Публичной библіотекѣ Крыловъ задумалъ было составить библіографическій указатель ко всѣмъ русскимъ журналамъ, но, разумѣется, при непривычкѣ къ подобнымъ трудамъ, остановился въ самомъ началѣ этого предпріятія. Хотя художественное призваніе увлекало его къ дѣятельности другого рода, однакожъ онъ всегда питалъ глубокое уваженіе къ знанію и наукѣ. Еще въ *Почтѣ Духовъ* были цѣлыя письма, посвященныя защитѣ образованія; такова же цѣль и нѣсколькихъ басенъ его; разсказъ о животномъ, которое, напитавшись желудями подъ дубомъ, стало рыломъ подрывать корни его, оканчивается стихами:

Невѣжда такъ же въ ослѣпленьи
  Бранитъ науки и ученье
  И всѣ ученые труды
Не чувствуя, что онъ вкушаетъ ихъ плоды.

При всей своей видимой наклонности къ бездѣйствію, Крыловъ, въ художественномъ творчествѣ, не гнушался труда. Напрасно многіе думаютъ, что сочиненіе басенъ легко доставалось ему. Возможное совершенство во всякомъ произведеніи искусства рѣдко достигается безъ настойчивыхъ усилій. Такъ было и съ Крыловымъ. Теперь уже несомнѣнно, что онъ долго отдѣлывалъ свои басни, возвра-

щался къ нимъ неоднократно, и многія изъ нихъ совершенно передѣлывалъ по нѣскольку разъ. Природная лѣнь никогда не мѣшала ему сознавать превосходство дѣятельности. Въ óбразахъ „пруда и рѣки“ онъ наглядно представилъ разницу бездѣйствія и труда, объяснивъ свою мысль такимъ заключеніемъ:

Такъ дарованіе безъ пользы свѣту вянетъ,
Слабѣя всякій день,
Когда имъ овладѣетъ лѣнь,
И оживлять его дѣятельность не станетъ.

Крыловъ обладалъ глубокимъ умственнымъ и нравственнымъ образованіемъ, чему краснорѣчивымъ доказательствомъ служатъ всѣ его литературные труды, въ которыхъ въ самой юности своей онъ выражалъ неизмѣнно-здравыя убѣжденія о святости долга, о высокомъ значеніи гражданской честности, и глубокую ненависть ко всему, что унижаетъ достоинство человѣка, на какой бы общественной ступени онъ ни стоялъ. Всю жизнь онъ преслѣдовалъ корыстолюбіе, лицемѣріе, чванство, лесть, обманъ; всю жизнь онъ старался словомъ своимъ просвѣщать общество и наводить сограждань на путь истины, долга и чести. Смолоду онъ, подобно Карамзину, отказался отъ всѣхъ приманокъ честолюбія, корысти и тщеславія; смолоду дорожилъ болѣе всего духовными благами и съ жаромъ устремился къ пріобрѣтенію знаній. 15-лѣтнему юношѣ, принужденному отказывать себѣ въ самыхъ невинныхъ удовольствіяхъ своего возраста, петербургскій книгопродавецъ Брейткопфъ предлагаетъ 60 руб. за первый драматическій трудъ его; но начинающій писатель предпочитаетъ получить, вмѣсто денегъ, нѣсколько томовъ знаменитыхъ французскихъ авторовъ, — черта, еще не довольно оцѣненная въ біографіи баснописца. Не получивъ никакого правильнаго образованія, молодой Крыловъ съ жадностію поглощаетъ книги и знакомится съ замѣчательнѣйшими явленіями европейской литературы. Объ этой ранней начитанности свидѣтельствуютъ всѣ его юношескія сочиненія: вотъ еще примѣръ того, что такъ часто поражаетъ насъ при изученіи нашихъ литературныхъ дѣятелей: Сумароковъ, Державинъ, Карамзинъ были въ большей или меньшей степени самоучками; Крыловъ — болѣе нежели кто-либо изъ нихъ. Въ томъ

возрастѣ, когда Ломоносовъ только что начиналъ учиться въ Спасскихъ школахъ, Крыловъ былъ уже писателемъ, обнаруживавшимъ замѣчательную умственную зрѣлость. Онъ имѣлъ предъ Ломоносовымъ и Карамзинымъ великое преимущество, — счастіе провести годы дѣтства подъ надзоромъ заботливой матери, и это преимущество было чрезвычайно плодотворно для его будущности. Почти сверстникъ Карамзина, онъ пошелъ совершенно другою дорогой и сдѣлался, какъ мы видѣли, его противникомъ; ихъ разномысліе еще болѣе поддерживалось различнымъ поприщемъ ихъ дѣятельности: одинъ былъ писатель московскій, другой — петербургскій, — особаго рода антагонизмъ, тогда въ первый разъ рѣзко обозначившійся въ нашей литературѣ. Любопытные факты представляетъ исторія нашей умственной дѣятельности. Новый періодъ ея начался въ Петербургѣ, въ трудахъ питомца европейской науки, академика Ломоносова. Лѣтъ черезъ пятьдесятъ Москва становится поприщемъ молодого Карамзина, вносящаго въ русскую литературу западно-европейскіе элементы дальнѣйшаго развитія, а противникъ его, Крыловъ, предпочитающій разработку слова въ чисто народномъ духѣ, дѣйствуетъ въ Петербургѣ. Проведя свое дѣтство сперва на южномъ концѣ Россіи, на Уралѣ, а потомъ въ одной изъ приволжскихъ губерній, Крыловъ почерпнулъ первыя умственныя пріобрѣтенія свои почти изъ той же сокровищницы, какъ Ломоносовъ; народный бытъ и народный языкъ сдѣлались для обоихъ источниками драгоцѣнныхъ для будущей ихъ дѣятельности знаній и образовъ.

Въ послѣднемъ періодѣ своего поприща Державинъ, Крыловъ и Карамзинъ сошлись въ Петербургѣ. Между двумя первыми завязались дружескія отношенія; Крыловъ, въ молодости подражавшій Державину, теперь самъ сдѣлался образцомъ для престарѣлаго лирика, который въ свои басни видимо вносилъ нѣкоторыя черты крыловскаго аполога, отдавая полную справедливость уму и тонкости нашего народнаго баснописца. Говорятъ, что положеніе баснописца между шишковской „Бесѣдой“ и „Арзамасомъ“ было нѣсколько двусмысленно; къ сожалѣнію, мы не имѣемъ фактовъ для повѣрки этого преданія; но, судя по частнымъ чтеніямъ Крылова въ „Бесѣдѣ“, онъ примкнулъ къ ней довольно тѣсно. Не забудемъ прежнихъ отношеній между нимъ и Карамзи-

нымъ, которыя могли оставить нѣкоторый отстой въ душѣ обоихъ писателей. Нельзя, впрочемъ, думать, чтобъ Крыловъ искренно сочувствовалъ Шишкову и его школѣ; напротивъ, извѣстно, что онъ подшучивалъ надъ „Бесѣдой", и къ ней, по современному свидѣтельству, относится его басня *Квартетъ,* написанная по поводу приготовленій для пріема въ „Бесѣдѣ" государя. Педантизмъ, тупоуміе и спесь, во всѣхъ видахъ, были ненавистны нашему баснописцу. Во второй половинѣ жизни, умудренный опытомъ, осторожный, почти никогда не высказывавшійся искренно, онъ, по самому характеру своему, не могъ быть человѣкомъ партіи и вступилъ въ „Бесѣду" скорѣе по личнымъ, отчасти случайнымъ отношеніямъ своимъ, нежели по убѣжденію. Есть мнѣніе, набрасывающее тѣнь на личный характеръ Крылова: Вигель представляетъ его человѣкомъ холоднымъ, себялюбивымъ, равнодушнымъ ко всякому высшему интересу и угодливымъ изъ расчета. Но сужденія современниковъ о личности всякаго писателя, а тѣмъ болѣе о личности сатирика, требуютъ строгой критической повѣрки: въ настоящемъ случаѣ, надобно принять въ соображеніе, что Крыловъ своею сатирой, очень прозрачной часто и въ басняхъ его, своими остроумными и мѣткими выходками въ свѣтѣ, конечно, возбуждалъ противъ себя нерасположеніе многихъ и не могъ не имѣть враговъ, которые, безъ сомнѣнія, не упускали случая мстить даровитому обличителю пороковъ и странностей. Всѣмъ извѣстенъ пасквиль, въ которомъ баснописецъ знаменательно названъ *зоиломъ.* Весьма вѣроятно, что и враждебный ему приговоръ желчнаго Вигеля былъ вызванъ какою нибудь насмѣшкой или горькою правдой, кольнувшей глаза бывшему зубриловскому ученику его. О томъ, что Крыловъ вооружалъ противъ себя бездарность и посредственность, можно судить по его отношеніямъ къ графу Хвостову. Сначала неутомимому стихотворцу очень польстило, что Крыловъ, поступивъ на службу въ Публичную библіотеку, просилъ его прислать свои сочиненія, которыхъ тамъ еще не было. Но потомъ, находя, что осторожный баснописецъ не довольно его хвалитъ и даже иногда тонко издѣвается надъ нимъ, онъ охладѣлъ къ Крылову и не упускалъ случая отплатить ему тою же монетой. Особенно кольнуло Хвостова одно критическое замѣчаніе остроумнаго поэта.

Стихи перваго на отъѣздъ двухъ высокихъ лицъ начинались словами:

Изъ нѣдръ отечества надежда, честь Россіи...

Прочитавъ это, Крыловъ шутя замѣтилъ, что слѣдовательно по отъѣздѣ этихъ особъ Россія остается безъ чести и надежды. Обиженный авторъ написалъ и едва не напечаталъ предлинную антикритику на эту шутку. Въ другой разъ посредственный стихотворецъ Пожарскій принесъ къ Хвостову въ рукописи свой разборъ басенъ Крылова, состоявшій изъ однихъ придирчивыхъ замѣчаній на слова. Забавный отзывъ свой на эту критику самъ Хвостовъ увѣковѣчилъ въ своихъ рукописныхъ тетрадяхъ. „Сіе все справедливо, — отвѣчалъ онъ: — но молодого поэта (т.-е. Крылова), ежели онъ грамматикѣ не учился, не научишь. Лучше бы было, если бъ г. критикъ замѣтилъ, что вообще во всѣхъ басняхъ слогъ Крылова вялъ, растянутъ и гоняется за остротой: Крыловъ у своихъ предшественниковъ лавра не вырветъ“.

Возвращаясь къ обвиненіямъ, взводимымъ на характеръ баснописца, заключимъ замѣчаніемъ, что безъ положительныхъ фактовъ, мы не имѣемъ права обременять упреками частную жизнь писателя, который въ своихъ произведеніяхъ является краснорѣчивымъ проповѣдникомъ добра, чести и правды. Крыловъ еще въ молодости велъ небезопасную войну съ предразсудками и пороками. И если въ позднѣйшемъ возрастѣ онъ прикрылъ свои нападенія не такъ легко проницаемой оболочкой, то не надобно забывать, что къ этому могли побудить его печальные опыты прошлаго. Есть много обстоятельствъ, говорящихъ противъ обвиненія Крылова въ холодности и эгоизмѣ. Извѣстны его нѣжныя отношенія къ отсутствовавшему брату; у него есть басни, дышащія глубокимъ чувствомъ: въ описаніи дружбы двухъ голубей слышится трогательный голосъ сердца, подъ который поддѣлаться невозможно; о томъ же свидѣтельствуютъ его отношенія къ дому Олениныхъ, которымъ онъ за ихъ доброе расположеніе къ нему платилъ горячею благодарностью.

Гротъ.

Изученіе басенъ Крылова въ связи съ исторіею его жизни поселяетъ въ изслѣдователѣ особенно отрадное чувство. Тутъ убѣждаешься, что онъ былъ такимъ же на дѣлѣ, каковъ былъ въ своихъ басняхъ. Выше было сказано, что онъ былъ вполнѣ счастливый человѣкъ. Но, чтобы быть счастливымъ человѣкомъ, чтобы внушать къ себѣ любовь и уваженіе, — „для того талантовъ мало"; нужно другого рода достоинства, — и онъ обладалъ ими въ полной мѣрѣ. Онъ своею жизнью доказалъ старинную истину, что довольство своимъ состояніемъ составляетъ первое условіе счастія. Занимая скромную должность библіотекаря, онъ умѣлъ быть довольнымъ ею и не мечталъ о высшемъ положеніи въ свѣтѣ, хотя имѣлъ на то полное право. Тщеславіе, гордость были ему чужды. Обласканный членами августѣйшаго семейства, онъ возвращался въ кругъ своихъ друзей тѣмъ же простымъ, добродушнымъ дѣдушкою Крыловымъ, какимъ они привыкли его видѣть. Восторженныя похвалы, которыми осыпали его со всѣхъ сторонъ въ продолженіе второй половины его жизни, не породили въ немъ самоувѣренности, свойственной только посредственнымъ натурамъ: въ послѣдніе годы своей блестящей дѣятельности, онъ былъ такъ же скроменъ и недовѣрчивъ къ своимъ силамъ, какъ и при ея началѣ. Когда покойный Плетнёвъ пріѣхалъ къ нему съ Карлсгофомъ приглашать его на юбилейный обѣдъ, онъ сравнилъ себя съ морякомъ, „съ которымъ потому только не случилось бѣды, что онъ не уходилъ далеко въ море". Пользуясь всеобщимъ уваженіемъ, видя, какъ его соотечественники гордятся его геніемъ, онъ никогда никому не далъ почувствовать своего превосходства, никого не оскорбилъ высокомѣрнымъ словомъ или поступкомъ.

Справедливость требуетъ сказать, что и въ его сердце однажды закралось унижающее чувство, — когда Гнѣдичу за переводъ „Иліады" былъ пожалованъ пожизненный пенсіонъ, Крыловъ, который уже давно пользовался такою монаршею милостію, позавидовалъ ему. Онъ даже прервалъ было съ нимъ сношенія. Но глубокое, чистосердечное раскаяніе не только возстановило ихъ прежнія дружескія отношенія, но и послужило Гнѣдичу новымъ доказательствомъ, какъ благородна была душа Крылова.

Въ отношеніяхъ своихъ къ брату, Крыловъ вполнѣ оправдалъ имъ же самимъ высказанную истину:

Кто добръ поистинѣ, не распложая слова,
Въ молчаньи тотъ добро творитъ.

Его младшій братъ, Левъ Андреевичъ (какъ видно изъ писемъ его, сохранившихся въ бумагахъ), началъ службу въ гвардіи, потомъ перешелъ въ армію, затѣмъ по болѣзни — въ гарнизонъ и окончилъ службу и жизнь инвалиднымъ капитаномъ въ Винницѣ, мечтая о счастливой минутѣ свиданія съ братомъ. Время и разстояніе не охладили привязанности, возникшей между братьями еще въ дѣтскіе годы. Ив. Андр. не только исполнялъ его малѣйшія просьбы, но даже предупреждалъ ихъ; онъ облегчалъ ему трудную жизнь, интересовался мельчайшими подробностями его быта; наконецъ, благодаря щедрому содѣйствію брата, Левъ Андреевичъ сдѣлался землевладѣльцемъ и относительно зажиточнымъ человѣкомъ: купилъ хуторъ, сталъ заниматься въ немъ хозяйствомъ и не зналъ нужды. Онъ умеръ въ 1824 г. Владѣльцемъ имѣнія брата долженъ былъ сдѣлаться Иванъ Андреевичъ; но онъ подарилъ это имѣніе денщику, который, по свидѣтельству брата, восемнадцать лѣтъ служилъ при немъ.

Всѣ эти факты при жизни баснописца никому не были извѣстны; но, къ счастію, несомнѣнныя ихъ свидѣтельства сохранились въ многочисленныхъ письмахъ Льва Андреевича. На многихъ изъ нихъ рукою Ив. Андр. сдѣланы помѣтки, показывающія, какъ онъ, вообще небрежный и беззаботный, былъ аккуратенъ въ отношеніи къ брату и какъ спѣшилъ выполнять его просьбы и удовлетворять его нуждамъ.

Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ кругу семейства своей крестницы, которое усыновилъ и помѣстилъ на квартирѣ съ собою. Веселая болтовня дѣтей, рѣзвая, шумная ихъ жизнь веселили его. Не въ силахъ будучи попрежнему посѣщать общество, онъ нашелъ себѣ занятія въ обученіи своихъ нареченныхъ внуковъ грамотѣ, слѣдилъ за ихъ уроками музыки, любовь къ которой не охладѣла въ немъ съ лѣтами, и восхищался ихъ успѣхами.

Кеневичъ.

Крыловъ не отвергалъ отъ себя общаго достоянія людей мыслящихъ — знаній и счастливыхъ произведеній, обработанныхъ на другихъ языкахъ. По своимъ понятіямъ, сужденіямъ, по своей жизни, привычкамъ и прекрасно очищенному вкусу, по любви къ талантамъ и личнымъ успѣхамъ въ нѣкоторыхъ художествахъ (напр. въ рисованіи, музыкѣ), онъ былъ равенъ самымъ образованнымъ людямъ высокаго разряда. Еще болѣе скажу: природа надѣлила его способностію быстро и легко усваивать другіе языки. Слѣдовательно, онъ, подобно всѣмъ современникамъ, находился подъ тѣмъ вліяніемъ иноземнымъ, которому не безъ основанія мы приписываемъ частое отсутствіе въ насъ самобытности и народности. Между тѣмъ, онъ духомъ своимъ такъ былъ крѣпокъ и неодолимъ; умъ его такъ былъ строгъ и вмѣстѣ гибокъ, что на соображеніяхъ и исполненіяхъ его не осталось и слѣда подчиненности или увлеченія, ни пріема, заимствованнаго и отзывающагося смѣшеніемъ разнородныхъ движеній, а, напротивъ, каждое вызываемое имъ лицо и складъ его мыслей облекались самымъ разительнымъ образомъ въ русскую физіономію. Народность его произведеній заключается не въ одномъ прекрасномъ употребленіи чисто-русскаго языка, народныхъ поговорокъ, не въ одномъ вѣрномъ описаніи костюмовъ, быта русскаго, нравовъ, привычекъ, добрыхъ и дурныхъ нашихъ качествъ, — нѣтъ: въ его словѣ живо обрисованы полныя сцены нашей духовной жизни съ зародыша идеи, или съ перваго взгляда, молчаливо остановившагося на предметѣ, до конца умственной работы, или до послѣдняго явленія въ дѣйствіи. *Плетневъ.*

1-50

